

РОВЕСНИК

3
1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

МАРТ, 1979 ГОД, № 3

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛИСТОВ О ТОМ, КАК РОЖДАЕТСЯ, ЧЕМУ СЛУЖИТ, КОМУ НУЖНА СЕНСАЦИЯ.

Италия. Рим. Наши дни. А за этими скупыми сведениями к фотографии на первой странице обложки — десятилетия борьбы женщин за равенство и социальную справедливость. В 1911 году на улицы европейских столиц вышли под красными знаменами женщины, чтобы заявить о своем праве на лучшую долю. Так впервые был отмечен Международный женский день. С тех пор прошло 68 лет, но сколько еще на свете стран, где так же, как и на заре века, женщины выходят под красными знаменами на улицы городов, требуя равенства и социальной справедливости. Италия, например. Рим. Наши дни.

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19.01.79. Подп. в печ. 09.02.79. А03524. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 1 180 000 экз. Цена 25 коп.

Диапозитивы иллюстраций изготовлены в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Набор и печать — Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Заказ 251. Адрес полиграфического комбината: г. Чехов, Московской области.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

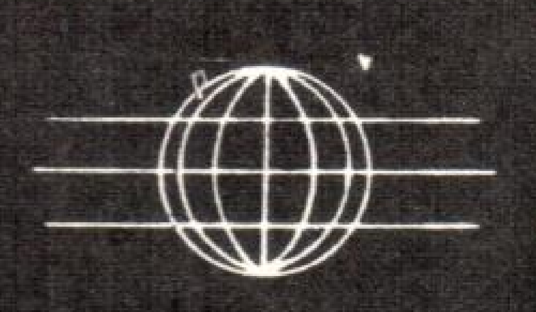
НЬЮ-ЙОРК. Комитет солидарности с освободительной борьбой в Южной Африке организовал концерты политической песни, сборы от которых пойдут в фонд помощи южноафриканским студентам, покинувшим ЮАР после расправы в Соуэто, когда из страны были вынуждены уехать около 8 тысяч юношей и девушек, поселившихся сейчас в Анголе, Мозамбике и других государствах. Деньги, полученные от концертов в Нью-Йорке, будут направлены на постройку школ и больниц для изгнанников.

ЛОНДОН. Студенчество Великобритании активно выступает против расистской дискриминации цветного населения в стране. Президент Национального союза студентов Великобритании Тревор Филлипс, выступая на ежегодной конференции союза в Блэкпуле, основное место в своем докладе уделил положению иностранных студентов. Он обратил внимание участников конференции на то, что молодым людям, приехавшим из бывших колоний и поступающим в британские колледжи, обучение обходится в три раза дороже, чем белым уроженцам страны, что делает образование для них практически недоступным. «Любое проявление расизма,— отметил Т. Филлипс,— совершенно недопустимо. Британия многим обязана бывшим колониям, так как богатство страны создано в немалой степени благодаря жестокой эксплуатации отцов и дедов тех, кто сегодня приехал сюда учиться».

ПРАГА. Как сообщает журнал «Млади свет», студенты двух вузов города Брно, высшей школы земледелия и высшей технической школы, обратились ко всей молодежи ЧССР с предложением посвящать каникулы и отпуска шефству над природой. Прошлым летом инициаторы этого почина уже работали в заповедниках Среднечешской области. Они очищали лес от сухостоя, чинили кормушки для лесных обитателей, приводили в порядок лесные дороги. Первый опыт показал, что такая работа — лучший отдых. Ребята интересно и с пользой провели время, завели новых друзей, узнали много нового о жизни леса.

На снимке: студенты высшей школы земледелия в Брно на каникулах в заповеднике Палава.

ХЕЛЬСИНКИ. Здесь подписано соглашение о дружбе и сотрудничестве на 1979—1983 годы между Студенческим советом СССР и Национальным союзом студентов Финляндии. Студенческие организации СССР и Финляндии видят свою задачу в том, чтобы способствовать укреплению безопасности и международного сотрудничества, исходя из положений Заключительного акта Хельсинкского совещания. В соглашении указывается на необходимость обуздания гонки вооружений, запрещения производства новых видов оружия массового уничтожения, таких, как нейтронная бомба, достижения прогресса в области сокращения вооруженных сил. Каждый год 27 ноября решено проводить День студентов обеих стран.

БУДАПЕШТ. Представители молодежи из 44 европейских стран приняли участие в консультативной встрече Всемирной федерации демократической молодежи, состоявшейся в столице Венгрии. Она была посвящена обсуждению планов работы федерации в 1979 году. Участники встречи заявили о необходимости провести в ближайшее время Всемирную конференцию молодежи за разоружение и мир. Участие в конкретных акциях, направленных на достижение разрядки напряженности в мире, борьба против производства нейтронного оружия,— говорится в документе, принятом на встрече, были и остаются важнейшими задачами ВФДМ и всей прогрессивной молодежи планеты.

БЕРЛИН. Организация юных пионеров имени Эрнста Тельмана отметила свое тридцатилетие. За это время несколько поколений граждан ГДР получили в пионерской организации свой первый политический опыт, узнали основные принципы и законы жизни в социалистической стране. Уже с раннего детства ребят ГДР учат быть сознательными интернационалистами-ленинцами, уважать труд, отдавать все силы и знания на благо своей страны. Сегодня пионеры-тельмановцы первого поколения активно участвуют в воспитании молодого поколения, готовят достойную смену. Большинство предприятий ГДР шефствует над школами и пионерскими отрядами.

На снимке: пионеры одной из средних школ Берлина в гостях у своих шефов — рабочих завода «Марцан».

ВЬЕНТЬЯН. Партия и правительство Лаоса поставили задачу к 1980 году обучить грамоте все взрослое население республики. Учащиеся старших классов общеобразовательных школ вечерами сами становятся преподавателями, а за партами сидят их родители и старшие члены семьи. В коммуне Чомванх самой северной провинции республики Фонгсали состоялся первый торжественный выпуск курсов по ликвидации неграмотности. 500 крестьян этого горного района получили удостоверения об окончании курсов. Такие курсы работают в большинстве коммун всех 13 провинций ЛНДР.

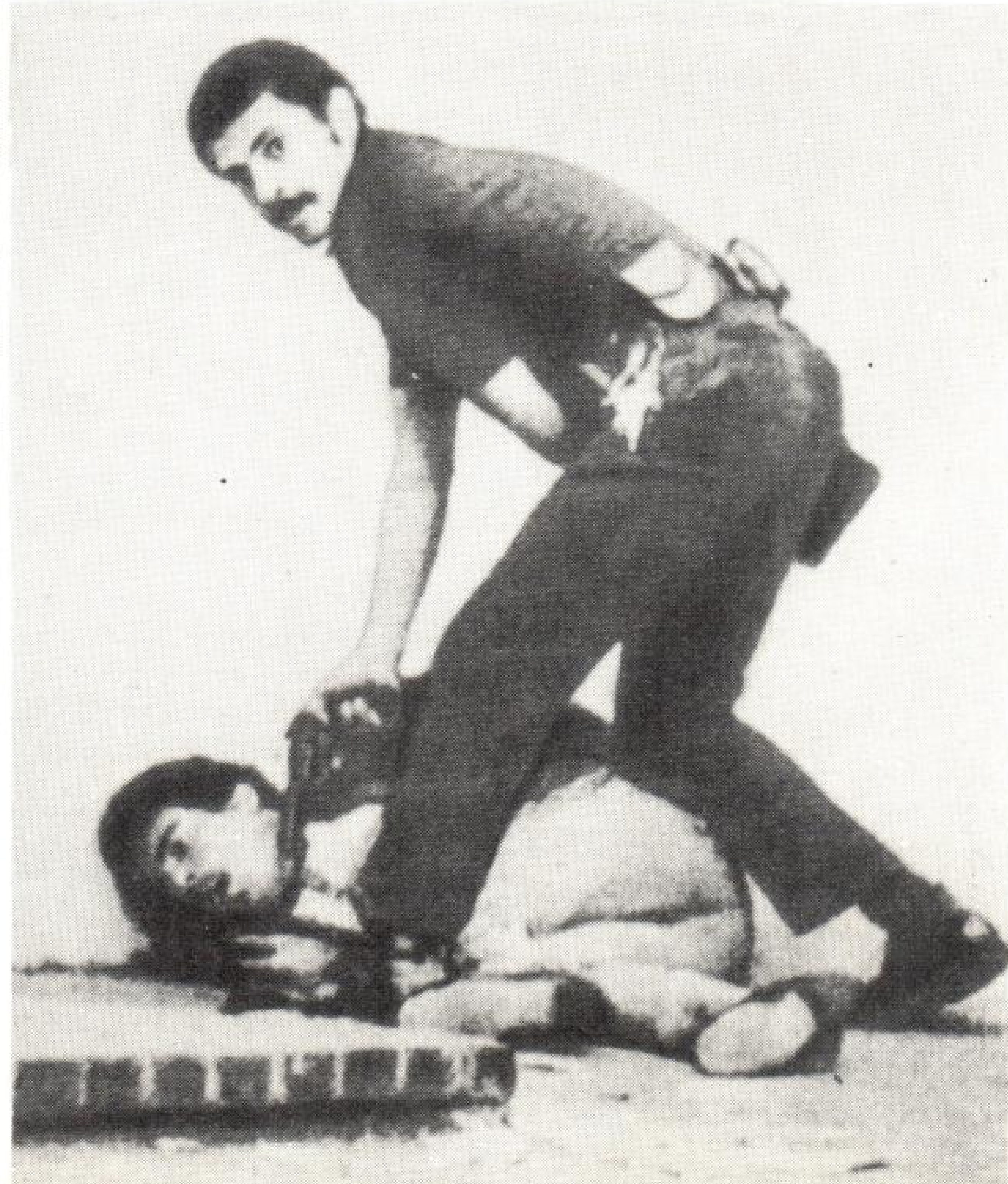
ВАРШАВА. Все большую популярность среди польской молодежи завоевывают ежегодные турниры мастеров. На последнем этапе XI Всепольского турнира более 115 тысяч кандидатов в молодые мастера внесли 92 тысячи рационализаторских предложений и усовершенствований, большинство из которых уже внедрено в производство. Экономический эффект творчества молодых мастеров польская печать оценивает в 5,4 миллиарда злотых.

ТЮБИНГЕН. Участники внеочередной конференции западногерманского союза ученых-демократов выступили с требованием провести реформу системы образования в интересах трудящихся. Они высказались за укрепление связей высших учебных заведений с профсоюзами и выработку общей программы действий.

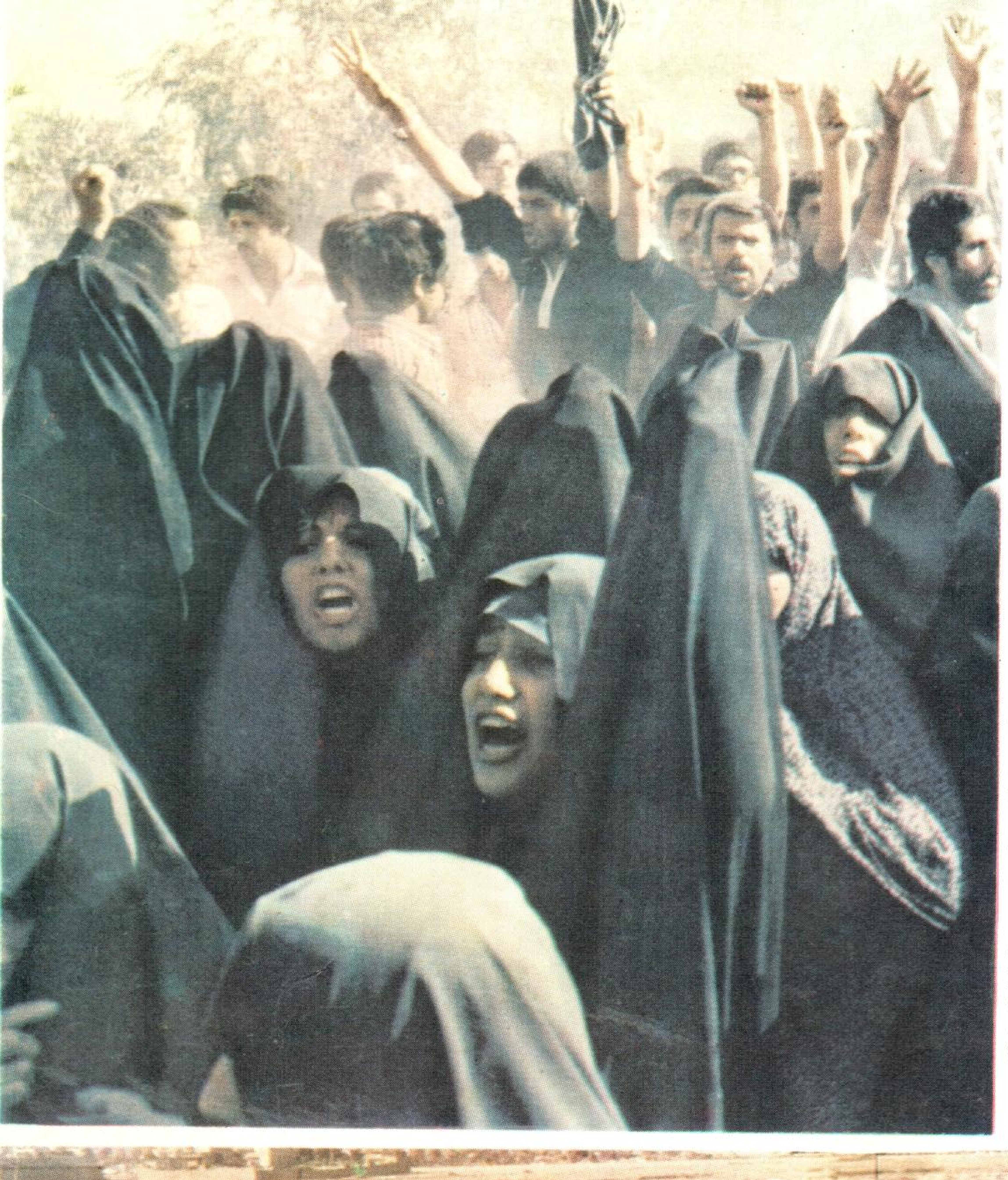
ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Рост преступности в США вызывает глубокую тревогу общественности. Американский еженедельник «Парейд» привел следующие данные: в США каждые 32 секунды наносится тяжкое телесное повреждение, каждые 28 минут совершается убийство, каждые 75 секунд — ограбление. Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что виновниками несчастных случаев все чаще оказываются полицейские. Жители крупных городов признаются, что теперь, выходя из дому, им приходится бояться не только гангстеров, но и полиции.

На снимке: одна из полицейских «ошибок» в Сан-Франциско. Полицейский чуть не пристрелил прохожего, заподозрив его в угоне автомобиля.

смотрите!

На крышах автоматчики, в небе военные вертолеты, танки и бронетранспортеры на площадях и перекрестках, усиленные наряды армии и полиции на улицах — таким запечатлели иранские города фотографии, обошедшие в последнее время мировую печать. Уже больше года режим воюет с народом Ирана. В национально-демократическом движении участвуют самые широкие массы: рабочие, служащие, молодежь и студенчество, духовенство, мелкая и средняя буржуазия, ему сочувствует значительная часть рядовых и младших офицеров армии. Участники народных выступлений требуют коренных социально-экономических и политических реформ, выступают против засилья иностранных монополий и диктата Вашингтона. Демонстрации носят все более ярко выраженный антимонархический, антиимпериалистический характер. В некоторых городах и районах страны стихийно возникают органы народного самоуправления, они налаживают снабжение и торговлю, координируют проведение демонстраций.

Империалистические державы и в первую очередь США, заинтересованные в иранской нефти и в выгодном стратегическом положении страны, ищут компромиссные решения, чтобы сохранить свое влияние в Иране. Но народ готов бороться за свои требования до победы.

АНАТОМИЯ СЕНСАЦИИ

Олег ФЕОФАНОВ

Вы слыхали? — Глаза моего собеседника выражали одновременно испуг и восхищение.— Это же настоящая сенсация!

Это было в Канаде, где я тогда работал, и было это в октябре 1957 года, когда весь мир узнал о том, что Советский Союз запустил на орбиту искусственный спутник.

Мне никогда не забыть ощущений, которые испытывали в те дни все советские люди,— и гордости, и радости, и глубокого удовлетворения, что вот нами взят еще один рубеж на неимоверно трудном пути от вековой отсталости к вершинам прогресса.

Но для тех из нас, кто, как и я, находился за границей и мог воочию оценить впечатление, которое произвел на западный мир первый в истории человечества прорыв в космос, было странно видеть, как к понятному удивлению и восхищению примешивалось нечто такое, что у нас с известной долей иронии называют сенсацией. И надо сказать, что для такого отношения к сенсации есть достаточные основания.

Я не случайно вспомнил событие, которое потрясло мир смелостью, гением и возможностями советского человека и советского общества. Его можно было бы по праву назвать сенсационным, если бы буржуазный образ жизни не дискредитировал само понятие сенсации, уравняв в своей практике реакцию на события действительно эпохального значения и на обыкновенную сплетню, пустячный курьез, газетную «утку» и т. д. и т. п.

Не следует думать, что подобная девальвация произошла стихийно, что ее первопричина — естественный интерес человека и человечества к новому, необычному. Все дело в сознательной спекуляции этим природным человеческим качеством во имя целей,

не имеющих ничего общего с благой заботой об удовлетворении естественной потребности людей быть в курсе событий общественной жизни.

Культура, если так можно сказать, сенсации претерпела в буржуазном обществе сложную эволюцию от чисто коммерческого предприятия, когда стало ясно, что новости можно продавать, и чем нелепее они, тем дороже, до сложнейшего механизма, охватывающего все сферы жизни — политику, экономику, культуру. Сегодня кажется невинной забавой вошедшая в анналы истории США проделка владельца газеты «Сан», который, стремясь обогнать конкурентов, поразил читателей сенсационной «уткой», будто на Луне астрономы обнаружили человекоподобные существа. Было это в 1835 году. Несколько недель газета публиковала материалы о «лунном открытии», тираж ее рос от номера к номеру. Когда же обнаружилась полнейшая несостоятельность этой сенсации, читатели, ничуть не обиженные обманом, продолжали проявлять повышенный интерес к газете «Сан». Возникшее представление, что эта газета способна сообщать «потрясающие» новости, прочно укоренилось в их сознании.

Этот случай показывает, какие возможности для воздействия на людей таятся в сенсации. Широкое использование этих возможностей привело к тому, что сенсация стала одним из неотъемлемых элементов буржуазного образа жизни, в значительной степени влияющим на эту жизнь.

Так что же такое сенсация в буржуазном обществе? Всезнающий, весящий пять килограммов словарь Уэбстера на 1652-й странице сообщает, что сенсация направлена на то, «чтобы удивлять, шокировать, потрясать или вызывать интерес и интенсивное волнение». Итак, сенсация — это новость, которая должна «удивить, шокировать и потрясти». Определяя характер такой новости, Уильям Рандольф Херст — общепризнанный «король» желтой бульварной прессы и, соответственно, бесспорный авторитет по части сенсаций — поучал: «Когда собака кусает человека, это не сенсация. Сенсация — это когда человек кусает собаку».

В этом ставшем уже хрестоматийным определении сенсации выявляется ее патологическая сущность. Сенсация — это новость, преподнесенная с расчетом на неожиданность, на острейшее эмоциональное восприятие, на «щекотание нервов». Артур Макивен, один из сотрудников Херста, так уточнял своего патрона: «Новость — это все, что заставляет читателя воскликнуть: «Ух ты!»

Что ж, тем, кто занят производством сенсаций, нельзя отказать в знании психологических «тайн» этого явления. Вспоминается известный афоризм Сенеки: «Для нас естественно более удивляться новому, чем великому». Воспринимаемая эмоционально, а не рационально, сенсация дает человеку так называемое «немедленное психологическое удовлетворение», способствует своеобразной эмоциональной разрядке, в какой-то степени снимая психическое напряжение.

Следует учитывать, что в капиталистическом обществе человек постоянно испытывает это психическое напряжение, порожденное неуверенностью в завтрашнем дне, постоянной погоней за благополучием, которую американцы удачно назвали «крысиными гонками». А с другой стороны, эти «крысиные гонки», обедняя духовную жизнь, создают тот интеллектуальный вакуум, который необходимо чем-то заполнить.

В этих условиях сенсация создает устойчивую иллюзию богатства впечатлений, разнообразия окружающего мира. Мир предстает источником захватывающих событий, и сенсация, таким образом, компенсирует монотонность и серость будней, способствует психологическому уходу от насущных и тревожащих проблем в мир необычного и экзотического. Казалось бы, возбуждая интерес к определенным событиям, сенсация приближает реальность к человеку. Но на самом деле она отодвигает эту реальность на задний план, искусственно разжигая ажиотаж вокруг второстепенного, незначительного события.

Какие события чаще всего являются идеальным сырьем для сенсации? Вот что говорит по этому поводу уже упоминавшийся Уильям Рандольф Херст: «Читатель интересуется прежде всего событиями, которые содержат элементы его собственной примитивной природы. Таковыми являются: 1) самосохранение, 2) любовь и размножение, 3) тщеславие. Материалы, содержащие один этот элемент, хороши. Если они содержат два этих элемента, то они лучше, но если они содержат все три элемента, то это первоклассный информационный материал». И далее: «Мы,— рассуждает Херст,— отвергаем все сообщения, которые не содержат ни одного из трех названных элементов. Мы пренебрегаем всем или совершенно обходим молчанием все, что является только важным, но неинтересным».

Социально-экономическая и политическая система капиталистического государства заинтересована в развитии и формировании потребностей и взглядов, далеких от подлинных проблем человека и общества. Вот почему она использует сенсацию для того, чтобы отвлекать внимание людей от социально значимых явлений, отучать их рационально воспринимать информацию, обдумывать и критически ее оценивать. Поток сенсаций заглушает сведения о таких событиях, которые помогли бы человеку понять свое истинное положение в капиталистическом обществе, обратили бы внимание на его вопиющие противоречия, способствовали развитию классового самосознания трудящихся. Буржуазия как огня боится трезвых суждений о социальных проблемах и громоздит одну сенсацию на другую, чтобы дезориентировать, лишить способности отличать главное от второстепенного.

Но из чего же раздувать сенсации, если для этого нет повода? Ответ один — фабриковать их. Журналисты сами стимулируют или провоцируют сенсационные высказывания авторитетных людей. Чтобы расширить «площади» урожая сенсаций, буржуазные средства массовой информации поощряют и сами создают систему «звезд» и знаменитостей. Затем каждое слово, каждый поступок «звезды» преподносится как событие чрезвычайной важности. Очередная свадьба или развод «кинозвезды» становится сенсацией не потому, что это социально значимо, а просто потому, что речь идет о знаменитости. Обыватель испытывает почти плотское удовлетворение от приобщения к интимному миру известных людей.

Если же событие не «тянет» на сенсацию, то его, как правило, «одевают» в сенсационную форму. Появляются заголовки, напечатанные афишными буквами, рядовое событие «оживляется» захватывающими подробностями, часто придуманными. Словом, новость-товар, несенсационную по характеру, упаковывают в яркую, привлекающую внимание обертку.

Конкурирующие политические деятели, конкурирующие журналисты, конкурирующие средства массовой информации состязаются в создании «псевдособытий», или «фактоидов», как их назвал известный американский писатель Норман Мейлер. Ведь идеальная сенсация — это такая сенсация, которой нет у конкурента. Соблазн поразить читателя у бульварной, да и не только у бульварной прессы столь велик, что можно говорить о повседневной практике создания газетных «уток», то есть выдуманных от начала до конца событий.

Те, кто делает сенсации, полностью отрываться от реальности не могут. Поэтому в сенсационных новостях отражается и междоусобная война отдельных политических сил буржуазного общества, и война монополистических групп. Именно поэтому в буржуазной печати появляются и будут появляться не только дутые, но и реальные сенсации. В первую очередь это сенсации, связанные с разоблаче-

нием скандалов, имеющих порою не только общенациональное, но и международное значение.

Вспомним о сенсационном разоблачении недозволенных махинаций в политической борьбе, получивших название «уотергейтского дела» и вынудивших уйти в отставку президента США Р. Никсона. Вспомним о сенсационном разоблачении махинаций американской авиастроительной компании «Локхид», подкупавшей для выгодной продажи своих самолетов крупных политических и правительственных деятелей в разных странах. Можно вспомнить о так называемых «секретных документах Пентагона», сенсационная публикация которых показала простым американцам, что военное ведомство и правительство США в тайне от народа осуществляли авантюристический курс внешней политики в странах Юго-Восточной Азии. Вспомним о сенсационных разоблачениях связи американского Центрального разведывательного управления с прессой, с журналистами, которые по заданию этого управления занимались не столько сбором новостей, сколько сбором шпионских сведений.

Таких, подлинных сенсаций немного. Но они есть. И их публикует буржуазная пресса, отстаивая интересы определенной группы. Причем пресса в этих случаях не посягает на «святая святых» — на сам капиталистический порядок, а лишь старается скомпрометировать конкурентов.

Но дутых, мнимых сенсаций несравненно больше. Часто эти сенсации используются в политических целях. Чего стоят дутые сенсации о так называемой «советской угрозе», цель которых — подготовить общественное мнение в странах капитала к увеличению военных бюджетов! И вообще, сколько лжи и клеветы в адрес нашей страны и других социалистических стран упаковывается в ярмарочно-яркую сенсацию!

Сенсационность пронизывает все поры буржуазного общества и все сферы его деятельности. Покупает ли человек таблетку от головной боли, торгует ли жевательной резинкой, идут ли выборы президента или родители выбирают колледж для своих отпрысков — сенсация незримо присутствует при выборе, направляет его, руководит (помимо воли и сознания) каждым шагом. Сенсация сопровождает каждое политическое решение и каждую торговую сделку.

Сенсация, сфабрикованная в коридорах власти, в рекламных бюро монополий, в холлах индустрии новостей, весьма далека от разумных потребностей человека, она не нужна ему, не нужна она и обществу, если оно ставит во главу угла интересы человека. Кому же тогда она нужна? Об этом расскажут материалы, которые журнал публикует на следующих страницах.

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ ОДНОДНЕВОК

В. РУБЦОВ

Голодовалый Федор подполз к телевизору и занялся любимым делом: стал крутить настройку и нажимать кнопки. Результатом этой исследовательской деятельности было гробовое молчание телевизора к моему возвращению с работы. Жили мы в нью-йоркском пригороде Нью-Рошель. День, начавшийся с беглого просмотра «Нью-Йорк таймс» и текущей корреспонденции на рабочем столе в комнате № 1037F, что на десятом этаже «небоскреба на Ист-ривер», как любят называть журналисты здание Секретариата ООН,— этот день прошел без сенсаций. Легкомысленное обращение младшего отпрыска с предметами домашнего обихода сулило тихий вечер с книгой в руках. Он и был тихим и спокойным... часов до 11 с небольшим.

— Володь, ты смотришь телевизор? — спросил по телефону соотечественник Саша.— Переключи на четвертый канал.

— Не могу, не работает. А что там?

Саша колебался:

— Там... о шпионах передают... Десять фамилий наших назвали из Секретариата... Твою в их числе.

Сенсации, сенсации... Не первый год работая с зарубежной прессой, я, конечно, знал им цену. Понимал, как и для чего они делаются, догадывался, что идет новая волна антисоветской истерии, как бы стихийная, но тщательно скоординированная и нарастающая. Приливы и отливы антисоветчины за океаном нуждаются в допинге сенсаций. А что больше будоражит воображение обывателя, чем шпионские истории? Когда же шпионы идут навалом, с перечислением фамилий и должностей, взятых из официальных справочников, с адресами и телефонами, нередко из старых телефонных книг, то дрожь охватывает публику, безотчетный страх перед таинственной силой, которая согнет Америку в бараний рог. И, как бы подкрепляя и усугубляя страхи, в предполночный час и за полночь по многочисленным каналам телевидения — ненавязчиво так — идут «фестивали» антисоветских фильмов послевоенных лет, богатых всплесками истерии.

...Когда Организации Объединенных Наций было всего два года, в офисе ее генерального секретаря пришли к выводу, что продвижение среди молодежи знаний об ООН, ее целях и задачах может оказаться полезным. Была учреждена ежегодная ознакомительная программа для выдающихся выпускников университетов разных стран, дабы эти выпускники, штурмуя служебные лестницы и добиваясь успеха на государственной службе, к примеру, на поприще дипломатии, имели об ООН не абстрактное представление. Программа здравствует до сих пор, а с начала 1974 года ее координатором в течение четырех лет был автор этих строк. Сознавая невысокий уровень своего организаторского мастерства, автор пошел по пути наименьшего сопротивления и дал волю выдающимся выпускникам. Ребята всех цветов кожи и вероисповеданий, а также национальностей оказались и впрямь не лыком шиты. Их письменные и устные предложения насчет повышения эффективности своего недолгого пребывания в стенах ООН проходили проверку практикой. Сухой скелет программы обрастал упитанным мясом встреч, бесед, дискуссий, лекций. И каким бы ни оказался лектор — остроумным говоруном или сухим буквоедом, скрытным политиканом или непредвзятым аналитиком, в ходе дебатов проблема просматривалась со всех сторон и обретала свойственные ей в жизни пропорции.

Взять те же права человека. Выступает, к примеру, представитель весьма сомнительной репутации органа «Международная амнистия» для разговора на тему «ООН и права человека». Представитель, помимо всего прочего, состоит в одной из ооновских комиссий и на этом основании обязан знать предмет и блюсти объективность в его изложении, как бы ему ни хотелось удариться в перемывание телевизионно-газетных сенсаций о «преследовании диссидентов» в социалистических странах, об «ущемлении» права граждан на эмиграцию и т. п. Он знает к тому же, что его молодая аудитория находится в той поре жизни, когда надо искать работу, и это право на труд сейчас для нее стоит на первом плане, оно сродни праву на жизнь. Вот почему выступление в стенах ООН даже такого оратора заметно отличается от его же статьи, которая могла бы появиться в той или иной газете, включившейся в пропагандистскую кампанию «защиты прав человека» в СССР.

Не все, конечно, улавливают этот нюанс, впрочем, до поры до времени, пока жизнь не стукнет. Вспоминается красавец Ларри из университета Беркли. Он на всех дискуссиях тянул руку и, заранее иронически улыбаясь, задавал один и тот же вопрос: о правах человека в странах социализма. Два года спустя мы встретились случайно. Ларри был так же неотразимо красив, так же легко и непринужденно болтал о том, о сем, но что-то в нем изменилось: не было прежнего оптимизма во взоре. Прощаясь, он мимоходом заметил, что все еще не нашел работы...

Некогда английский экономист Адам Смит предсказывал, что общее благо наступит автоматически, как результат индивидуального стремления людей к собственному благосостоянию. Каждый, мол, стремится к прибыли и в результате конкуренции создает изобилие товаров и услуг. Евгений Онегин, помнится, браня Гомера с Феокритом, зачитывался Адамом Смитом и, может быть, разделял его иллюзии. Мы же присутствуем при последнем акте драмы, постигшей эти иллюзии. И в обетованной Америке баловни капиталистической судьбы отваливают от своих многомиллиардных прибылей немалую толику, чтобы замаскировать этот крах, отвлечь от него внимание публики. Пытаются пропагандой заменить то, чего не могут дать в жизни, чего не заменит никакой «товар»,— подлинную справедливость и равенство, гуманность, перспективы лучшего будущего.

Западные идеологи давно поняли, что в борьбе идей они не могут взять верх в открытом и честном столкновении взглядов, в спорах, опирающихся на достоверные факты. Потому-то, когда речь идет о политике, разум подменяется эмоциями, а логика софистикой, ловкой игрой в общие понятия, не подкрепленные жизненным содержанием. Представьте себе, что в наши дни публике станут внушать, что Земля плоская. Нелепица? Но ведь именно такая нелепица происходит по всем линиям и западной пропаганде.

Казалось бы, постыдно заикаться о роли США в качестве защитника идеалов свободы и демократии после провала попыток задавить вооруженным путем борьбу вьетнамского народа за свою независимость, после вмешательства ЦРУ и американских корпораций в Чили, после десятилетий тирании Сомосы в Никарагуа, удерживающегося на поверхности лишь благодаря всесторонней помощи «правозащитников» из Вашингтона. А Иран? Ближний Восток, Африка, вся Латинская Америка?

Когда обо всем этом напрямую заявляют представители развивающихся и социалистических стран на Генеральной Ассамблее и в комитетах ООН, американская печать предпочитает делать вид, что не в этой международной организации происходит самое интересное: там, мол, скучища невероятная. Иное дело бедная девочка Джессика (Женя) Кац, родителям которой «жестокие советские власти» «не дают» выехать в Соединенные Штаты, чтобы вылечить ребенка. Сенсация! «Бедный ребенок! Несчастная мать! Дитя при смерти... Только Америка может помочь...» Нарастала жуть, заходились в привычном раже репортеры, театрально заламывали руки конгрессмены, и кое-кто из сенаторов затянул свою старую унылую песню о том, что надо кончать всякую торговлю с СССР. От заявления советских компетентных учреждений, что девочка получает на Родине необходимую (и бесплатную) медицинскую помощь, что здоровье ее вне опасности и улучшается, досадливо отмахнулись.

И вот «бедного ребенка» встречает в нью-йоркском аэропорту Кеннеди сонм репортеров, но что это? Ребенок весел, жизнерадостен и розовощек! В мгновение ока растаяли толпы сочувствующих, и оказалось, что «бедного ребенка» и его родителей некому подвезти из аэропорта в город. Сенсация не состоялась, и оболваненные посулами радиодиверсантов родители, наверное, тут же почувствовали, что сами по себе они никому не нужны. Так открывается подлинный, далекий от каких-либо гуманных соображений, человеколюбия, холодный политический расчет и смысл сенсации.

Индивидуальная судьба, конечно, может не задаться в любой точке земного шара по разным причинам, как зависящим, так и не зависящим от воли людей. Однако, когда существуют целые кварталы, городские районы, целые области, объявленные «зонами бедствия» и бедствующие постоянно, вроде горняцких поселков в Аппалачах, тут уж, простите, лучше помолчать о стране равных возможностей. Когда судьба человека, формально вроде бы находящаяся в его собственных руках, целиком зависит от социальной принадлежности семьи и ее положения в обществе,— оставьте, пожалуйста, разговоры о благоденствии. Когда вы садитесь в комфортабельный вагон электрички, уносящей вас с вокзала Гранд-сентрал в удобный во всех отношениях для житья-бытья нью-йоркский пригород, а вы знаете, что в катакомбах под Гранд-сентрал обитают ватаги бродяг и нищих,— не говорите мне о процветании. Когда врач предпочитает ампутировать ногу, вместо того чтобы перебинтовать ее, потому что за ампутацию больше заплатят, то где милосердие, где справедливость? Вот и получается, что свобода и человеческие права остаются где-то в абстрактной дали, а требования об их соблюдении предназначаются исключительно на экспорт.

Для внутреннего же пользования в ход пускается другая излюбленная тема — «советская угроза». Разыгрывая ее, сошлются на мнения экспертов в Пентагоне и вне его, на странную «склонность Кремля» действовать в духе экспансионистской политики русских царей. На иррациональное стремление подавлять права и свободы. На национализм, шовинизм, даже расизм. Это чтобы своим понятней было и чтобы развивающийся мир попугать. Корпоративные конкуренты капиталистического мира, негласно держа друг друга за глотку, изо всех

на стр. 14

Сенсация и бизнес

Жил-был очень богатый человек, которому вдруг надоели его миллионы. И поскольку с раннего детства он испытывал самую нежную любовь к медицине и потребность заниматься именно ею, то он выкинул мысли о денежном хламе и всецело посвятил себя страждущим. Он был настолько уверен, что интуиция и дух медика заложены в нем свыше (по образованию-то он был юрист), что начал писать для людей книги о том, как совершать чудеса и исцеляться без помощи операций. А «Бильд» — самая читаемая в его стране газета — без устали сообщала о его книгах и об удивительных способах, которыми данный господин вылечивает самых безнадежных больных. Но и те, кто не читает «Бильд», оставались в неведении недолго, ибо для неграмотных исцелитель стал выступать по телевидению. И вот человек этот стал знаменит повсюду, даже в самых глухих деревнях...

Мы сидим в салоне его виллы, расположенной в самом роскошном районе Мюнхена — Грюнвальде: господин исцелитель Манфред Кёнлехнер и я,

Хорст ВЕТТЕН,
западногерманский
журналист

ИСЦЕЛИТЕЛЬ НАЦИИ

конечно же, верная тень чудотворца — советник по связям с прессой.

Советника зовут Дитер Бохов. Раньше он был преуспевающим журналистом и писал для иллюстрированных порнографических изданий, сам он называет себя «певцом обнаженного тела». Сейчас Бохов переквалифицировался: он превращает мудрые мысли Кёнлехнера в статьи, брошюры, двухтомное «Руководство по лечению природными средствами», не жалея умений и опыта для прославления хозяина. Но вернемся к метру.

Манфред Кёнлехнер привык к тому, что пресса и публика холят и лелеют его. Он стал объектом всеобщего обожания: 42 процента населения ФРГ знают его имя, только два процента сомневаются в чудодейственности открытых им методов, для 83 процентов опрошенных его имя стало синонимом чуда.

В чем же здесь дело? Действительно ли его методы обладают столь чудотворным действием? Может быть, он знает какую-то тайную истину, которая укрыта от разума других? Владеет ли он «успешными методами» (кстати, это название носит серия выпущенных им карманных книжек) для исцеления всех болезней от А(стмы) до Я(звы)?

Нет, Манфред Кёнлехнер прямо этого не утверждает, но — вот где собака зарыта — миллионы людей верят в то, чего он практически ни разу открыто не заявил: в целительное могущество доктора... юриспруденции Манфреда Кёнлехнера. Сия вера обросла трогательными легендами, а ее герой возведен в сан чудотворца. И все это достигнуто не Кёнлехнером-врачом, а Кёнлехнером-публицистом, за которого пишет Дитер Бохов.

Сам Кёнлехнер не открыл и не развил ни одного из «чудодейственных» методов лечения. Все они существуют уже давно: иглоукалывание изобрели еще древние китайцы, это на Западе оно стало известно сравнительно недавно. И терапия неврозов тоже не его открытие, заниматься ею начал в двадцатые годы дюссельдорфский врач Фердинанд Хунеке. Озоном лечил своих пациентов в Лейпциге профессор Эрвин Пайр еще в 1935 году.

Авторство Кёнлехнера бесспорно в другом (а он мастер обрабатывать клиентуру) — в умении пристроить давно известные методы лечения на рынке,

где рядовой потребитель готов поверить в чудеса, панически боится болезней и смерти, да еще и заражен фетишизмом. Он нашел для себя уютное местечко, точно рассчитав, что спекуляция на отчаянии может приносить немалые барыши. Людям ведь очень хочется верить, что где-то между небесами и реальной жизнью существует спасительное средство, о котором наша земная медицина просто не имеет представления.

«Исполнимые чудеса» — название одной из книг Кёнлехнера—Бохова. «Как избежать операции» — называется другая. Согласитесь, что такие названия легко проникают в то самое нутро больного, куда обычные врачи пытаются добраться с помощью скальпеля и ланцета. А Кёнлехнеру достаточно лишь наложить руку на больное место, в крайнем случае чуть уколоть своей волшебной иголкой — и «как рукой снимет».

Феномен Кёнлехнера возник не в области медицины, потому что в области медицины он феноменом не является. Этот феномен — в области воздействия публицистики на психику. И возник он, когда стало ясно, что имя Кёнлехнера и все, что с ним связано,— очень ходовой товар, который можно выгодно сбывать. Тому, кто хорошо знает вкусы покупателя и рынок, остается сделать совсем немного — тридцать раз в месяц подкидывать потребителю удачные заголовки, зная, что они будут напечатаны тиражом в четыре миллиона экземпляров. Например: «Все излечимо! — Доктор Кёнлехнер и безнадежные случаи.— В сегодняшнем номере — ГАЙМОРИТ». Что означает такой заголовок для большинства читателей? Доктор Кёнлехнер лечит все болезни. И хотя в тексте, набранном мелким шрифтом, Кёнлехнер не скупится на заявления, что его методы не всемогущи, что основой является традиционная медицина,— читатель и пациент, завороженный броским заголовком, растолкует подобные оговорки на свой лад: «Какой же он скромный человек!»

И доктор Кёнлехнер может не бояться обвинений в жульничестве. К тому же пока никто, в том числе и медики, не доказал, что методы Кёнлехнера, безусловно, вредны. А вот полезны ли? О том, чтобы сохранить такую ситуацию, не доводя дело до чреватой разоблачением катастрофы, заботится профессиональное чутье Кёнлехнера-юриста. Когда он видит, что шарлатанство опасно для жизни, доктор юриспруденции лечить не берется и сразу отправляет больного к докторам медицины.

Как же Манфреду Кёнлехнеру удается не только оставаться на поверхности, но и блистать звездой первой величины на медицинском небосклоне? Бывший преуспевающий агент издательского концерна Бертельсманна, он знает, как обращаться с публикой. Гениально отточенные заголовки его книг сразу же определяют их место в списке бестселлеров. Он участвует в самом популярном телешоу, во время которого демонстрирует излечение насморка у известной актрисы Труде Герр с помощью иглоукалывания. Он строит на свои деньги санаторий на Штарнбергском озере. Он возглавляет клинику, где лечат все болезни методами доктора Кёнлехнера, которых на самом деле не существует.

Кёнлехнер повсюду: в газете «Золотой листок» — восторженная история, в «Бильд» — передовая статья, в «Шпигеле» — обложка и статья о том, как одна из сотрудниц редакции вылечилась у него от псориаза (к тому времени, как статья вышла, он начался у нее опять). Наконец, фотографии футбольных матчей и подписи: «Рядом с госпожой Беккенбауэр доктор Манфред Кёнлехнер, домашний врач семьи Беккенбауэров». Все уже забыли, что клятвы Гиппократа он никогда не давал.

Возвеличивание и обожествление Кёнлехнера достигло неимоверных размеров. Я не удивлюсь, если прочту в один прекрасный день о том, как он пробежался по водам Штарнбергского озера.

Приведем цитаты. «Осознание своего предопределения свыше,— говорит Кёнлехнер,— заставило меня отказаться от карьеры менеджера» (газета «Торговый листок»).

«Доктор Манфред Кёнлехнер был так потрясен чудесами природной медицины, что бросил все — карьеру, власть, миллионы» (мюнхенская «Вечерняя газета»).

Сейчас здесь, в своей мюнхенской вилле, Манфред Кёнлехнер стремится убедить меня, что озарение пришло к нему гораздо раньше, чем он сменил профессию: «Уже в 1967 году я принял окончательное решение и могу это доказать». И снова и снова по разным поводам он повторяет: «Я могу это доказать». Кому? Зачем? Вероятно, ключ к разгадке феерического успеха Кёнлехнера заключается именно в том образе озаренного свыше подвижника медицины, который он о себе создал.

Он родился в Крефельде, в семье банкира. Изучал юриспруденцию, народное право, экономику производства в Вюрцбурге. Работал юрисконсультом в аптекарском союзе, потом в государственном финансовом управлении. В 1954 году получал 1500 марок в месяц. Через год попал в концерн Бертельсманна, где сделал быструю карьеру, дойдя до должности генерального уполномоченного. Вот что через пятнадцать лет он говорит о своем годовом доходе: «Три миллиона марок для меня было маловато». На самом деле он и двух не получал, что тоже ох как немало. Но страсть к хвастовству всегда была его слабым местом. Когда речь идет о Кёнлехнере, Кёнлехнер не боится преувеличить. Он окончил школу с такими отличными оценками, какие из всех его современников и соотечественников получал только Франц Йозеф Штраус, а результаты государственных экзаменов были лучшими за несколько десятилетий. На самом деле он был самым рядовым, обычным учеником.

Не будем вдаваться в подробности, но глава концерна Бертельсманна, имея на то свои причины, решил приостановить карьеру Кёнлехнера. Однако Кёнлехнер с присущим ему чутьем сумел опередить начальство — он ушел.

Кёнлехнер выделяет из своих доходов деньги для голодающих детей. Кёнлехнер оплачивает работу института медицинских исследований. Кёнлехнер без минуты сомнения станет финансировать соответствующую кафедру в университете, как только ее учредят,— это его самое заветное желание. Кёнлехнер — знаменитый писатель. Кёнлехнер — исцелитель, спасающий от всех бед. Кёнлехнер — борец на всех баррикадах, он выступает за справедливость, и притом, разумеется, «совершенно бескорыстно».

Если бы у него не было денег, изворотливости, если бы он не был одержим страстным желанием стать великим, он просто был бы одним из тысяч

лекарей-самоучек, врачующих по наитию и не всегда допустимыми средствами. Но он обладает всем необходимым, и потому он «Великий Исцелитель Нации» («Франкфуртер альгемайне»). Кёнлехнер счастливчик: он свято верит в то, что он мученик-подвижник. Он говорит мне: «Я счастлив бываю в тот редкий день, когда мое имя не упоминается в газетах». Если это действительно так, то за последние несколько лет у него не было ни одного счастливого дня. Он педантично и систематически воздает хвалу успехам западногерманских врачей: «Я стою обеими ногами на твердой почве традиционной научной медицины», и тут же подсекает своих медицинских собратьев заявлением, что его «поход в народ» объясняется желанием сделать пациентов более осведомленными и подготовленными. А кто собирается оставлять невежественных пациентов столь же невежественными? Уж не те ли самые высококвалифицированные врачи, которых он сам только что так нахваливал?

Размышляя над этим явлением, в первую очередь пытаешься выявить мотивы Кёнлехнера: что же побудило его делать то, что он делает? Безусловно, сам он убежден в том, что приносит пользу, но это далеко не главное. Главное — безграничное стремление к славе, уверенность в собственной исключительности и умение заставить других в нее поверить. Для того чтобы увидеть в Кёнлехнере тот дар божий, которым он, по описаниям, обладает, вам надо очень верить в бесспорность его существования. Вы разглядите вокруг него знаменитое магнетическое излучение, только если заранее подготовлены и уверены, что оно действительно есть, иначе, предупреждаю, у вас ничего не получится!

ТАИНСТВЕННОЕ ПОКУШЕНИЕ НА «БАБЛ-ДЖАМ»

Буркхард ВЕСПЕР,
западногерманский журналист

Нат Бернард, он продает сладости в маленьком городке Порт-Вашингтон в штате Нью-Йорк, поведал ужасную историю: «На прошлой неделе ко мне в киоск зашел один парнишка и сказал, что его подружка заснула случайно со жвачкой марки «Бабл-Джам» за щекой, а когда проснулась, у нее все лицо было в паутине».

Эта страшная история взволновала управляющих гигантского концерна «Лайф сэйверз инкорпорейтед», который выпускает «Бабл-Джам» — самую покупаемую в Америке жевательную резинку. И не зря — то, чего они боялись, все-таки случилось. Агенты фирмы от побережья до побережья стали сообщать о том, что сбывать товар становится все труднее.

Зловещий слух зародился в молодежном лагере в Риджвуде (Нью-Джерси), откуда и распространился по всей стране. Одиннадцатилетний Син Вагнер, до сих пор бывший убежденным потребителем сей самой знаменитой в стране жвачки, предупредил своих друзей: «Не ешьте, в ней паучиные яйца!» Слово не воробей, вылетит — не поймаешь! Слух распространился по соседним штатам с быстротой молнии, обрастая все новыми ужасающими подробностями: говорят, что у тех, кто жует «Бабл-Джам», может даже начаться рак!

Мэри Шарп, которая вместе со своим мужем держит привокзальный киоск в Риджвуде, так же, как и ее коллеги по всей стране, с ужасом замечает, что столп, на котором покоится вся их торговля, основательно пошатнулся: «Раньше мы продавали в день по 40—60 пачек, в каждой по пять пластинок, а сейчас мы рады, если удается сбыть одну или две».

Фирма «Лайф сэйверз» начинает контрнаступление на страницах сразу тридцати ведущих ежедневных газет, в том числе и достопочтенной «Нью-Йорк таймс»: «Мы потрясены, что кому-то пришло в голову распускать клеветнические и совершенно неправдоподобные слухи о «Бабл-Джам». Концерн поверяет публике, забыв о всяких предосторожностях, секреты изготовления «Бабл-Джам»: «Каждая пластинка проходит 281 тест, и каждый из составляющих ее продуктов допущен к производству Министерством пищевой промышленности США».

Предоставив потребителю исчерпывающую информацию об изготовлении прежде любимой народом, а ныне опальной жвачки, фирма бросает призыв ко всем жующим соотечественникам, по страстности не уступающий призывам, публикуемым во время землетрясений и наводнений: «Что вам нужно сделать? Вы можете помочь, и ваша помощь необходима! Объясните своим детям, что слухи не имеют под собой никакой почвы, что в них нет ни слова правды!»

Конечно, это действительно гнусная ложь. Человек, который должен знать правду,— президент «Лайф сэйверз» Мак Моррис — говорит: «У меня у самого двое детей. Они до сих пор жуют, и ничего!» Он ломает голову над тем, кто же этот враг, пытающийся проколоть пузырь раздувшегося производства его жвачки. Профессиональное чутье обманывать не может — зловещие слухи, конечно же, распустили конкуренты! Ясно, что молва не замолкнет, пока враг не будет схвачен за шиворот с поличным. Поэтому президент Моррис, невзирая ни на какие расходы, учреждает в своей фирме сыскное бюро, которое должно во что бы то ни стало выловить виновников и представить к расправе.

Правление «Лайф сэйверз» надеется, что таким способом удастся разоблачить преступника и вернуть продукту доверие жующих. Но пока положение все еще остается серьезным. Один тонкий знаток потребителя высказал мне свою точку зрения: «Этот слух может привести производство «Бабл-Джам» к полному краху. Бац!»

Перевела с немецкого И. ПОРУДОМИНСКАЯ

со стр. 10

сил ищут на стороне что-нибудь такое, что объединяло бы их, не давало ненароком задушить насмерть заклятых друзей — соратников по угнетению и эксплуатации. «Объединяющим элементом», как любит называть это помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, служит опять же «советская угроза». Разрядка международной напряженности изрядно подмочила репутацию этого тезиса времен «холодной войны», показала его несостоятельность и фальшь. Но ведь все испытали, а ничего другого не придумаешь! Да и момент сейчас благоприятный: китайские лидеры идут ноздря в ноздрю с недовымершими американскими мастодонтами «холодной войны» по части раздувания страхов перед «советской угрозой».

И вопли о «советской угрозе» свербят вселенское ухо. Они не рассчитаны на логику и не претендуют на гармонию с действительным положением вещей. Их не надо доказывать, можно лишь ссылаться на секретные сведения ЦРУ. Так было прошлым летом, например, когда два уголовника попытались украсть ядерную подводную лодку, а телевидение связало их явно инспирированную затею с «происками Советов». ЦРУ тут же опровергло свою причастность к «утечке информации» о тщеславных ворах, но, поскольку ЦРУ не пользуется у публики большим доверием, было ловко использовано даже недоверие: группы «экспертов» на голубых и разноцветных экранах долго еще резвились на тему о том, что, мол, фактов, конечно, нет, но «советская угроза» есть, это уж факт. Разве, дескать, не соблазнительно было бы «красным» заполучить готовенькую лодочку со всем ядерным боезапасцем, а? Рядовому обывателю из армии налогоплательщиков тут и возразить нечего. Он еще не одну ночь будет ворочаться в постели, пока его не «успокоят» информацией о том, что военный бюджет США снова вырос. На этот раз информация будет достоверной.

Подобные трюки повторяются с неизбежностью смены времен года, но всегда к сезону бюджетных диспутов в конгрессе. Изготовители сенсаций проявляют недюжинную изворотливость по части наживки на крючке, тем более недюжинную, что им непрестанно приходится бороться с эффектом советских мирных инициатив по разным внешнеполитическим направлениям. И еще с одним эффектом: русские-то все идут, да не придут никак! Вот и приходится каждый раз придумывать вранье пооригинальней — вроде летающих тарелочек с серпом и молотом на ободке.

...Сенсации сами по себе живут недолго. Факты их не подтверждают. Однако есть продуманный расчет на долгожитие впечатления от них — когда они следуют одна за другой, направляемые умелой рукой квалифицированных психологов-организаторов. Сослуживец-итальянец в Секретариате ООН добродушно шутил над моей мимолетной джеймс-бондовской репутацией, но признался, что когда ночью во время бессонницы увидел фильм, где персонажи с заметным славянским акцентом вершили нечто темное, а на экране временами появлялся черный кот, которого величали Владимиром, то и добродушному человеку стало в ночи жутковато. Вся наша с ним совместная деятельность по просвещению выдающихся студентов на миг показалась ему опасной.

По возвращении домой я как-то упомянул о занятном происшествии родному младшему брату. И брат, знавший о —10 диоптриях близорукости, удручавшей меня с детства, и прочих достоинствах того же плана, препятствующих подвигу разведчика, задумался, посмотрел долгим взглядом и... приосанился. Знай мол, наших.

„...Н а разминке перед произвольной, когда я заходила на прыжок в два с половиной оборота, Уве Кагельман шел на «лутц», а Воробьева с Власовым делали двойную подкрутку, мы все вдруг столкнулись. Власов стал падать, а на меня сверху — Воробьева. Я ее поймала на левую руку и почувствовала, что у меня плечо где-то возле лопатки...» Это цитата из автобиографической книжки Ирины Родниной «Негладкий лед».

«Таящееся в спортсменах нервное напряжение нередко вырывается наружу. Лучший пример тому — инцидент, который произошел на последнем чемпионате мира. Во время разминки ленинградская пара Воробьева и Власов исполняли поддержку. Когда Воробьева была уже наверху, крепко сбитая брюнетка ударила Власова плечом. В результате Воробьева и Власов упали, ударившись о барьер. Если бы эта брюнетка была не Ириной Родниной, феноменальной и эгоцентричной чемпионкой из Москвы, ее немедленно бы дисквалифицировали». Это цитата из статьи «Застывшие улыбки», опубликованной в английском журнале «Спортсуорлд».

Описан тот же случай. Истолкован диаметрально противоположным образом.

В свое время газета «Советский спорт» попросту высмеяла домыслы автора «Застывших улыбок» — журналистки Сандры Стивенсон. Была это чистой воды ложь и клевета. И Стивенсон, как рассказывали мне тогда общие знакомые, коллеги из зарубежных изданий, до слез обиделась. Она недоумевала — в чем дело? Даже если все это только слухи, говорила она, то они так понятны, поведение персонажей так естественно, к тому же в статье идет речь об аналогичных эпизодах, связанных с именами Сони Хени, Джаннет Линн, Карен Магнуссен, Матильды Чиччи — «звезд»...

И вот, помню, в Хельсинки, во время первенства Европы 1977 года, Сандра уныло бродила по пресс-центру — рыжая распатланная дама средних лет, и все ей не нравилось — сам чемпионат, судейские оценки, погода, сандвичи в баре.

Во время выступления итальянского танцевального дуэта у партнера случилась маленькая трагикомическая неприятность. В то время как он совершал очередное па, у него лопнули по шву брюки. Музыка играла, фигурист продолжал прыгать и скакать, не замечая случившегося. В публике послышались смешки.

Внезапно я услышал позади себя восторженный стон. Обернулся — и не узнал Сандру. Она была почти прекрасна с распростертыми дланями, сжимающими «паркер» и блокнот, ее глаза источали вдохновение, и рыжая грива вздымалась, точно наэлектризованная.

Позже, после рюмки коньяка, она сказала, что история с брюками с лихвой окупила для нее весь этот «нудный» чемпионат.

Но скажите на милость, кому из читателей интересно белье фигуриста?

С другой стороны, не будь интереса, не понадобились бы и Сандрины писания. Спрос рождает предложение.

Спорт — зрелище без грима. В общем и целом. Легконогие, длинноногие, опаленные солнцем и умытые дождем, спортсмены срываются с места и бегут, толкая пятками Землю, заставляя ее быстрей вращаться, а наши сердца — быстрее стучать, и кто первый из них прибежит, того и верх.

Все это так — в общем и целом. Но возникают некоторые частные проблемы. Так, например: зрелище должно иметь товарный вид, упаковку, иначе его не продашь, иначе кто его купит? Редкие чудаки, которым само по себе интересно, какой из ребят в цветных маечках на ногу быстрее,— точно нет более индустриализированных и изощренных способов удовлетворения азарта? Нет, господа, нет, мистеры, мосье унд майне геррен э тутти ку-

Кто пишет — «музыка» (классическая, современная, джаз, поп), кто — «футбол, теннис» (если на вопрос отвечает не футболист и не теннисист), кто, например,— «коллекционирование кофейных чашечек».

Прибавляют ли что-нибудь, к примеру, чашечки к облику чемпиона, расширяют ли представление о нем?

Так же как собака американца Брюса Дженнера, олимпийского чемпиона Монреаля в десятиборье,— знаменитая ныне кокер-спаниелиха Берта? Он с ней неустанно фотографировался — на стадионе во время тренировок, на пляже, дома, держа ее в объятиях, ласковую и длинноухую. И теперь ее милая морда красуется на всех собачьих консервах: та самая Берта, которая помогла Брюсу прославиться...

Кажется, что-то уже проясняется.

Впрочем, об использовании имен чемпионов и атрибутов их чемпионского быта в чисто рекламных целях много говорилось и писалось — мы сейчас о другом.

Согласитесь, сердцам, скажем, двух сотен коллекционеров чашечек, двух десятков тысяч держателей кокер-спаниелей и двух миллионов обожателей джаза становится ближе чемпион-чашколюб, собаковод или поклонник Армстронга. Потому что — смотрите-ка — он знаменит, а в то же время парень как мы, один из нас.

«Знаменитый Один из Нас» — формула, прилагаемая к спорту, пожалуй, чаще, нежели к любому другому виду зрелищной индустрии. Потому что, допустим, актера зритель видит всегда на сцене и почти никогда не видит за кулисами, в повседневном обличье, подверженного собственным, не театральным страстям. Даже давая интервью, звезда сцены или экрана привычно сохраняет черты образа, черты амплуа. Где-то у себя в гримуборной он может ликовать по поводу успеха или горевать о неудаче, но зритель этого не видит. Спортивная же арена являет собой — особенно в зорком глазу телекамеры — одновременно и сцену и кулисы. Человек бежит по дорожке — он на сцене. Прибежал, проиграл, падает наземь, рыдает, стучит кулаками, кляня все на свете,— он за кулисами. Он наедине с собой и в то же время на миру. Он — как все.

анти: демонстрировать спортивное зрелище само по себе, спортсменов самих по себе — ликующих, убитых горем, яростных, потных, грязных, растрепанных — это все равно что гонять от океана до океана сотни мощных автоцистерн, груженных воздухом.

Мистеры и мосье полагают, что спортивному зрелищу нужен грим. Косметический и коммерческий.

Какими способами он накладывается?

Начнем с самого невинного.

Мне много раз приходилось видеть анкеты-характеристики спортсменов, раздаваемые журналистам в пресс-центрах крупных международных турниров за рубежом. Там приводятся данные лаконичные и самые необходимые: возраст, рост, вес, место рождения, род занятий, имена и профессии родителей, имя тренера. И последний пункт непременно — «хобби».

Использование формулы «Знаменитый Один из Нас» может играть роль возвышающую, облагораживающую — по отношению к нам, зрителям, либо принижающую — по отношению к нему, чемпиону. Все зависит от подхода.

В американском кинофильме «Рокки» у прославленного чемпиона по боксу в силу непредвиденных причин срывается матч, который должен быть проведен в честь двухсотлетия США. Штаб чемпионата ищет нового противника, листает картотеку зарегистрированных профес-

сионалов и полупрофессионалов. И находит безвестного молодого жителя трущоб, итальянца по происхождению. Итальянец — это прекрасно, итальянцем был Колумб. Безвестный — это прекрасно, это доказывает, что «наше общество — общество равных возможностей (тезис, повторяющийся в фильме неоднократно, но большей частью с изрядной долей иронии.— С. Т.): каждый, кто способен, может помериться силами с Гигантом». Итальянца ангажируют, он начинает готовиться, но у него нет спарринг-партнеров, нет мешка, лапы, и он отрабатывает удары на мясохладобойне, где служит его друг. Лупит по тушам, орошая кулаки говяжьей кровью. Эти необычные способы тренировки привлекают к нему особое внимание прессы. Вынужденное она представляет читателю и телезрителю как необходимое и естественное: Рокки будоражит запах крови, в нем звериное начало, он таков, он — один из нас.

«Леон Спинкс восстановит свои зубы, а заодно и свой престиж в бою с Кассиусом Клеем (Мохаммедом Али.— С. Т.). До матча за звание чемпиона мира Спинкс был «неизвестным и беззубым» боксером тяжелого веса. Победа в начале марта позволила ему обратиться к услугам дантиста и сделать несколько долгов. Принадлежность к спорту обязывает: чтобы соответствовать званию чемпиона мира и звезды ринга, Спинксу пришлось согласиться на матч-реванш. Его дантист (и портной тоже) будут следить за боем с пристальным вниманием. «Наши услуги не оплачены»,— говорят они».

Это уже, как вы понимаете, не эпизод из фильма. Это подлинная газетная цитата о подлинных событиях. Неважно, что в ней не все точно. Спинкс не неизвестный, он олимпийский чемпион. Он соглашается на реванш, поскольку это положено, а не из необходимости оплатить протезы.

Точность неважна, как неважна она, допустим, Сандре Стивенсон.

Чтобы повысить продажную стоимость матча, печать срочно конструирует «имидж», образ Спинкса. Мохаммед Али самый великий, Спинкс тоже должен быть «самым». Он не учился в школе, он малограмотен, парень из негритянского гетто, объявим-ка его «Самым Глупым».

Правда, публичные заявления боксера показывают, что он отнюдь не глуп — серьезен, глубок по натуре...

Неважно. Важна атмосфера скандала вокруг его имени. Некая дама вдруг подает на него в суд за нарушение брачного обещания. Владелец дома вдруг заявляет, что он пять лет не платил за квартиру. Его штрафуют за нарушение правил уличного движения, и орава репортеров, будто нарочно возникшая на месте происшествия, снимает сцену, как рыжий полицейский на две головы выше Спинкса (специально, похоже, подобранный) надевает на него наручники, хотя за такой мелкий проступок это не положено.

Пухнет, раздувается газетный ком.

Смотрите, он — один из нас, такой же, как мы...

Так какой «вклад» в западное спортивное зрелище вносит сплетня? Кому на потребу подстроенная или не подстроенная сенсация?

Обывателю. Тому, кого — хлебом не корми — дай припасть к замочной скважине двери знаменитости. Ему до вожделенной дрожи охота проникнуть туда, в святая святых, и глубже, поскольку, как он убежден, святая святых — это выдумки, враки...

Чемпион плачет — отчего? От счастья? Расскажите своей бабушке! Он плачет, конечно, потому, что ему изменила партнерша. С другим партнером, со своим тренером, с чужим тренером, вон с тем дяденькой — слева в углу кадра...

Но тут еще вот что, я думаю. Сплетня о чемпионе служит для обывателя своеобразным способом самоутверждения. Гиперкомпенсацией, если угодно.

Человек на спортивной арене прекрасен. Он быстр, силен и смел, и эта сила, эта смелость принесли ему всесветную славу.

А у меня брюшко. У меня плешь. И цвет лица — гм, гм — после вчерашнего, и мешки под глазами.

Ну и что — тот, на экране, оказывается, только внешне хорош, но зато у него зубы вставные, и за них не плачено. Он обременен, как я, страстишками и пороками, он обещает, а не женится. У него даже — слыхали?..

У него прилюдно порвались штаны.

У него порвались, а у меня целехоньки. И хоть он лихо пляшет и скачет на коньках, он стройный, а у меня брюшко, но штаны у меня целехоньки, и поэтому я выше, чем он.

Ну а теперь скажите, пожалуйста, откуда такой обыватель берется? Тот, который первым узнает, что пить надо только дистиллированную воду, что миром правят одиннадцать тибетских лам — ах, это они (совершенно точно, об этом сам мистер Джонс говорил!) подстроили вторую мировую войну, убили Мерилин Монро, помогли русским хоккеистам выиграть чемпионат мира и свинтили клапан на мотоцикле Боба Дилана, отчего он чуть не разбился насмерть. А участники всемирного тибетского заговора, чтоб отличать друг друга в толпе, носят вязаные носки из зеленой, желтой и белой шерсти. Кстати, есть надо только колбасу, предварительно избавленную от электричества путем подсоединения ее к батареям центрального отопления!

Обыватель входит в дом и торопится выложить (не дай бог, кто раньше подсуетится, весь вечер будет испорчен!) самую свеженькую, самую пикантненькую историю про — хи, хи, как, вы не знаете?

Звездный час — а он знает!

Сидят интеллектуалы, толкуют о новом фильме, бредятина какая-то — «стилистика», пятое-десятое, а я такое вам про режиссера расскажу — закачаетесь!

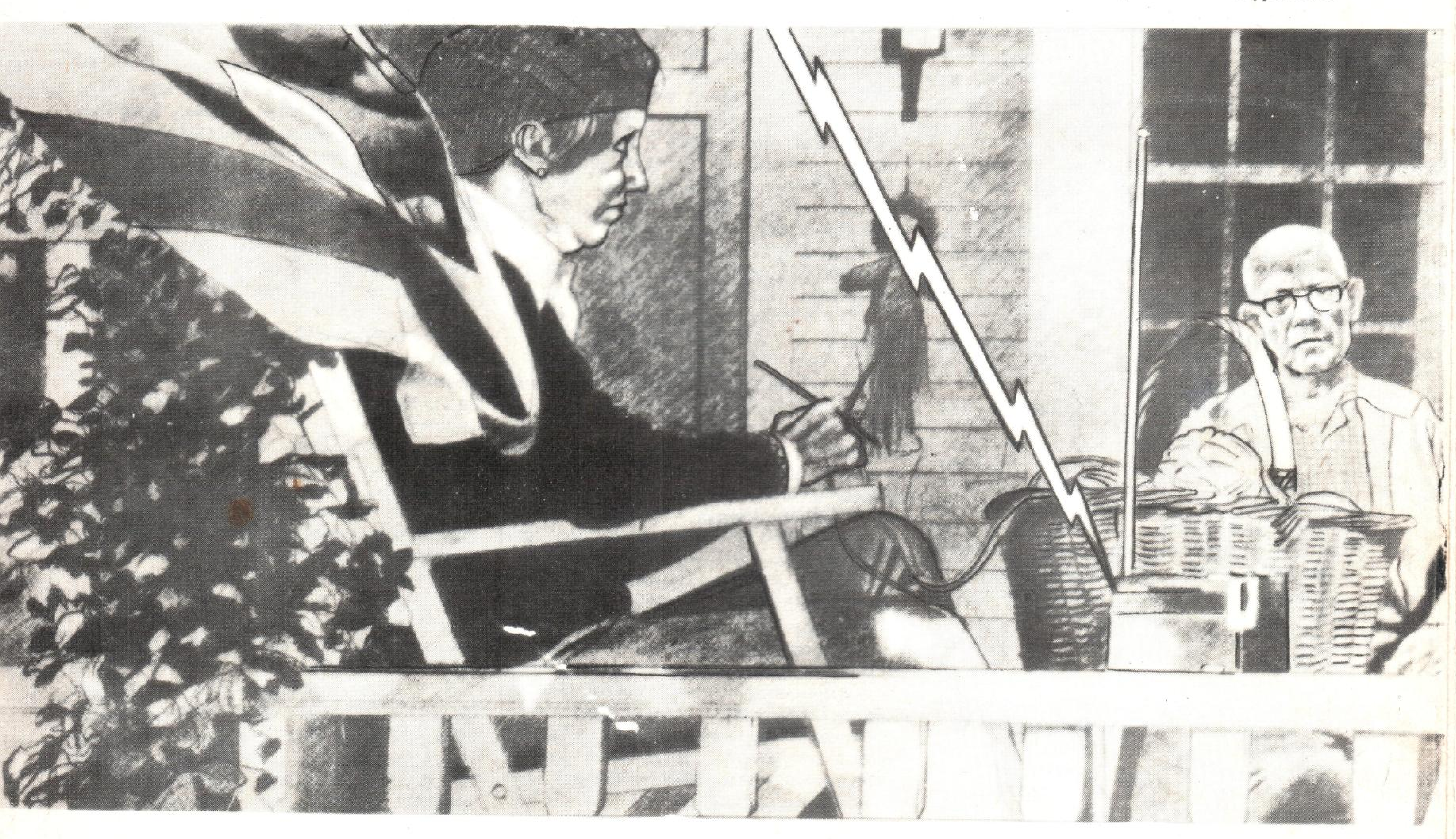
Откуда я все это знаю? Так мне ведь об этом с экрана телевизора самый главный комментатор толкует, в газетах я прочитать могу, да я и сам не чужд, тоже за культуру поговорить умею. Мне ведь, чтобы узнать, что ваш писатель в книге сказать хотел, совсем не обязательно книгу читать. Я отзыв в газетке на нее прогляжу, узнаю главное: сколько он за книгу получил. Мне об этом непременно обозреватель сообщит, и сообщит также, есть ли у писателя жена, а если нет, так объяснит, почему, и какой у писателя дом, и какие рубашки он носит, и пьет что. И тут передо мной и писатель, и книга его — как на ладони! Чего тут читать-рассуждать?

Все к моим, обывателя, услугам — и спорт в телеупаковке, и прильнувшая к замочной скважине Сандра Стивенсон. Она ведь на меня работает! Спрос рождает предложение — и вот я создаю этих Сандр, а они — меня, и до чего же хорошо нам вместе! Я даже думаю, что слишком много знаю, приустал от знаний чуть. Информационный взрыв, говорят...

Станислав ТОКАРЕВ

ПОЛЬ ГАРВЕЙ—СУТЬ ДЕЛА

Вильям БРЭЙШЛЕР,
американский журналист

Еще не рассвело, тихо, лишь слышны сирены полицейских машин да редкие такси скользят по Норт-Мичиган-авеню. Он сидит в одиночестве в своем шикарном офисе. Он пьет кофе, пальцы бегают по клавишам пишущей машинки:

«Вот это новость! Витамин С препятствует коррозии!»

Дело происходит в Чикаго, и он один из ведущих журналистов города, но вовсе не похож на ветеранов прессы: никаких мятых штанов, скрученного галстучка-удавки, и в пепельнице не лежит огрызок сигары, и в столе не спрятана бутылка виски.

Нет, нет, на нем небесно-голубой костюм от хорошего портного, бежевая шелковая рубашка, синий, аккуратно повязанный галстук, редеющие волосы тщательно уложены. И комната не завалена бумагами, и хвосты гранок не торчат из мусорных корзин, и не снуют туда-сюда суматошные газетные мальчики.

«...В Чикаго появился целующийся бандит! Целуя женщин, он тем временем вытаскивает у них кошельки...»

Из машинки ползут длинные полосы желтой бумаги. Он останавливается, смотрит на дорогие напольные часы: пять тридцать семь утра. Мягкие ковры поглощают стрекот машинки, в вазе цветы, на этажерке тщательно подобранные по цвету корешков книги, на стенах тарелочки китайского фарфора, медаль с красно-бело-голубой лентой. Он высокий, массивный человек с волевым «американским» лицом, с загаром заядлого игрока в гольф. Ему шестьдесят лет.

«...Вертолет упал на толпу, лопасти продолжали вращаться, срезав головы семерым, в том числе известной певице...»

Каждую неделю его машинка выплевывает одиннадцать радиопередач, десять телевизионных комментариев, три газетные колонки. Каждый день его можно слышать по 774 радиостанциям внутри страны, по 400, работающим на заграницу, его читают в 300 газетах, его видят по 120 телепрограммам. Его аудитория — подсчитано — 35 миллионов человек. Эти миллионы по вечерам настраивают свои приемники на волну Эй-би-си и слушают его — религиозно, патриотично, фанатично, ошеломленно и, что важнее всего, регулярно.

«...Привет, американцы! Это Поль Гарвей... Прослушайте новости! Водители грузовиков в Торонто объявили забастовку. Предыдущая забастовка была в 1974 году и длилась двадцать три дня. Тогда они засто-

порили движение, что стало причиной невиданного подъема сексуальных преступлений против женщин, голосующих на дорогах...»

Эти миллионы преданных слушателей превратили жизнерадостного чикагского журналиста в очень, очень богатого человека. То, что он пишет, то, что он говорит в микрофон, как он говорит, интонации, модуляции его голоса — все это приносит ему доход в два миллиона долларов в год.

Новости поступают к нему из телеграфных агентств, от штатных помощников, от обыкновенных сплетников, из журналов, из писем его читателей и слушателей, руководствуется же он своим собственным чутьем. А нюх у него на новости отменный.

Слушайте Поля Гарвея, и вы получите полный ассортимент: истории о людях, возбуждающих общественный интерес, рассказы о политических кампаниях, о пьяницах, о разведенных женах, об устойчивых браках, о новых товарах...

«...Женщина из Миннесоты сварилась в ванне...»

Красотки Орегона, ужасы налогов, леность столь многих американцев, вторая страница, третья...

«...Добрый вечер, американцы. Как хорошо быть дома!»

Гарвей знает свою аудиторию: пенсионеров на кухнях маленьких домиков, фермеров, мелких служащих, коммивояжеров. Он знает, в каких районах страны его слушают больше, и знает также, что люди, слушающие его, больше полагаются на силу мускулов, чем на силу ума.

И вот он говорит с ними доверительным голосом, для пущей интимности часто упоминает свою семью — «мой Ангел» (то есть жена, Линн) и «мой сын Поль». Он говорит о семьях своих слушателей, выуживая сведения в письмах, о боге, о национальном флаге, о судах. Он надежен, он предсказуем, он дарит надежду, он шутит, он говорит от имени маленького человека, он его защитник, он говорит о радостях старой дружбы, о праведности, о добре, о справедливости, о том, как хорошо быть женатым, христианином и патриотом.

Это его «Новости и комментарии», они исходят от конкретного человека Поля Гарвея, а не от какой-то безликой радиокорпорации. И для того чтобы слова его звучали еще убедительнее, он заботится о своем имидже — имидже стопроцентного американца и доброго семьянина.

Вот, к примеру: журналист просит Гарвея об интервью. Разрешения приходится ждать долго, месяцы, а то и год, если оно вообще приходит (то есть если интервьюер подходит интервьюируемому). Наконец журналисту сообщают, в какой день он может прибыть в офис и пронаблюдать, как Гарвей готовит репортаж. Затем лимузин Гарвея доставляет журналиста в дом, где [illegible] со «своим Ангелом». На пороге его встречает приветливо улыбающийся Поль-младший, высокий, приятный молодой человек в аккуратном костюме и при галстуке. Короткая беседа с Гарвеями в гостиной, к беседе подается вино или шампанское — странная роскошь, ибо Гарвей любит декламировать на тему о вреде алкоголя. Потом все идут в столовую. Гарвеи берутся за руки, и Поль-старший произносит молитву. После трапезы все вновь перебираются в гостиную, и семейство отвечает на вопросы. Гарвей подает реплики — привычные остроты, которыми он пользуется годами. Затем семья позирует: Поль-старший держит «Ангела» за руку, она улыбается ему — святая матерь семейства. Поль-младший садится за фортепьяно, а сияющий отец слушает его, всем своим видом выказывая восхищение. (Кстати, стаканы с вином в момент съемки убираются.)

Затем шофер увозит интервьюера в хозяйском лимузине, и он принимается за статью, в которой будет рассказано о том, как наполнены жизнью, как остроумны комментарии Гарвея и какой он прекрасный, очаровательный семьянин. Интервьюер может также описать шикарный дом процветающего коллеги и вечно молодого, динамичного «Ангела». По отношению к «Ангелу» будут употреблены слова «скромность» и «элегантность», а также упомянуто, что она окончила университет и имеет звание магистра. Ах, как все хорошо, как пристойно! После публикации интервьюеру будут обязательно присланы благодарности, а если интервьюер — женщина, то и корзина цветов. К журналисту, не пожелавшему подпевать семейному хору, будут применены меры пресечения — Гарвей умеет это делать. Я испытал это на себе, когда однажды пытался проникнуть в тыл.

Незапланированных визитов просто не бывает. И тому есть причины.

Поль Гарвей обязан успехом своему имиджу. Если он бранит разводы, обесчестие, отсутствие патриотизма, трусость, леность, забастовки, живущих за счет благотворительности общества, коммунистов, преступников, слабовольных судей, трусливых политиков, незамужних матерей, неверность — следовательно, сам он надежен, верен, честен и искренен. И он тщательно охраняет этот имидж и даже лжет ради него.

Он начал взращивать такой имидж двадцать восемь лет назад, после случая, который чуть было не стоил ему карьеры.

В начале пятидесятых годов к Гарвею, в то время уже популярному комментатору Эй-би-си, обратились два охранника из лаборатории «Аргонн», расположенной неподалеку от Чикаго. В «Аргонне» занимались исследованиями, связанными с атомной энергией. Охранники пожаловались Гарвею, что секретность лаборатории соблюдается очень плохо и что любой может проникнуть на ее территорию. Было время «холодной войны», охоты на ведьм, «коммунистической угрозы» и Джо Маккарти, это было счастливое время для Гарвея. И вдруг такая сенсация! «Красная угроза», угнездившаяся в самом сердце исследовательского учреждения, связанного с обороной страны! Но Поль не знал главного — некоторые охранники «Аргонна» как раз вели переговоры с администрацией о новом контракте и хотели припугнуть своих боссов.

Однажды вечером Гарвей подъехал к «Аргонну», спрятал машину в кустах и попытался проникнуть на территорию. Он перелез через забор и повис, зацепившись за колючую проволоку. Пальто порвалось, и он свалился как раз в объятия дежурных, которые в заговоре против администрации не участвовали.

Радиокомментатор был арестован, полиция нашла и машину. На переднем сиденье лежал недописанный материал о «красной угрозе». История попала в газеты. Гарвей упорно утверждал, что действовал по просьбе заинтересованных правительственных учреждений, каких именно — он отказывался назвать, упирая на их секретность. Чикагские журналисты накинулись на Гарвея с особым усердием, поскольку они считали его злобным, мерзким, узколобым антикоммунистом, который своими комментариями поддерживал паранойю продажной маккартистской эры. Они требовали от него подтверждения полномочий.

У репортеров оказался неожиданный союзник — ФБР. Фэбээровцы давно имели зуб на Гарвея — он был бо́льшим роялистом, чем сам король, и постоянно упрекал их в том, что они плохо управляются с коммунистическими агентами. ФБР выяснило, что ни одно из государственных учреждений Гарвея ни в чем не уполномочивало. Затем они нашли документы о его воинской службе и передали их прессе.

ФБР установило, что Поль Гарвей был на самом деле Полем Орэндтом, рожденным в Тулсе, штат Оклахома, в 1918 году и воспитанным матерью; его отец, полицейский, был случайно убит на охоте в 1924 году (а вовсе не «при исполнении служебных обязанностей», как Гарвей часто заявлял). В 1943 году Орэндта призвали в военно-воздушные силы, но он так никогда и не побывал на фронте: через месяц после призыва Орэндт был отправлен в госпиталь — он порезал себе бритвой пятку в момент «острой депрессии», как было сказано позднее. История его болезни указывала на некоторые психические отклонения: Орэндт часто рыдал, разговаривая с врачами. Орэндта комиссовали. Неудивительно, что, приступив к работе радиожурналиста,

Орэндт сменил имя, хотя позднее он утверждал, что сделал это только потому, что «Гарвей» легче произносить (по-моему, для носителя английского языка и «Орэндт» сложностей не представляет).

Итак, Гарвей предстал перед Федеральным большим жюри и заявил, что действовал в интересах государства, а не ради того, чтобы заполучить сенсационную новость. Он нанял двух адвокатов — оба известные антикоммунисты, к тому же в его защиту выступил весьма правый конгрессмен. В конце концов жюри решило никого не наказывать. И вскоре инцидент был забыт.

Говорят, что в Эй-би-си хотели уволить Гарвея, но у него нашлись покровители, и карающий меч был отведен. Гарвей продолжал поддерживать сенатора Маккарти, тот даже останавливался у него в доме в 1954 году, а когда эра Маккарти кончилась, стал искать расположения шефа ФБР Эдгара Гувера — по части антикоммунизма Гарвей был его верным последователем.

Урок не был напрасным, Гарвей начал создавать свой имидж: отец, павший жертвой мифических забастовщиков, собственное славное военное прошлое, образцовая семья. И сегодня никому не придет в голову проверять достоверность его заявлений.

С тех пор лишь однажды грим чуть было не слинял. Случилось это в конце шестидесятых годов, когда страна вязла в болотах Вьетнама. Гарвей процветал: было абсолютно ясно, кто враги страны — и внутри ее, и за границей. Особенно внутри: длинноволосые, пацифисты, те, кто отказывался отправляться во Вьетнам по политическим или религиозным соображениям. Он был «из ястребов ястреб». Он мечтал о том, чтобы на Северный Вьетнам сбросили атомную бомбу, он предлагал засыпать бухту Хайфона всем имевшимся под рукой. Он хотел, чтобы американцы выиграли эту войну так же, как выигрывали все предыдущие.

Потом что-то случилось, а вернее, сработал нюх Гарвея. Он начал говорить о том, что надо или выиграть войну любыми средствами, или уйти из Вьетнама. И в конце шестидесятых он проделал свой знаменитый «Кругом — марш!». Он начал передачу словами: «Мистер президент, я люблю вас, но вы не правы!». После чего пустился в рассуждения о том, как вредна эта война, как нам трудно ее вести, как невозможно выиграть и что лучше бы нам уйти. Сегодня он рассказывает о том, что в тот момент переживал «серьезный духовный кризис»: «Я всегда считал, что единственное оправдание для войны — это победа. Но мы так увязли во Вьетнаме! Мы истекали кровью. И, как истинный патриот, я должен был сказать это президенту».

Но дело было в сыне Поле, который к тому времени достиг призывного возраста. И оказалось, что одно — быть адвокатом войны, когда на нее посылают чужих сыновей, и совсем другое — когда на нее должен идти твой собственный сын. Неизвестно, как вел себя Поль-младший, зато известно, что «Ангел» вовсе не собиралась отпускать чадо на войну и заявила мужу, что Поль-младший на призывной пункт не пойдет.

Как тут было себя вести? Имидж Гарвея грозил расколоться, как орех, если сын откажется идти воевать. И вот Гарвей решил эту проблему профессионально, сыграв на общественном мнении. Он заявил, что любимый президент ошибается, конечно, не упомянув о том, что сыну его пришло время надеть форму...

И снова, как в случае с «Аргонном», Гарвей выжил. Дело в том, что Гарвей — комментатор, но не из тех, кого комментируют: он слишком много знает о частной жизни журналистов, которые могут представлять для него угрозу, да и не только журналистов... Для этого у него существует целый штат шпиков. И он умеет подать материал.

Профессия Гарвея — разоблачение тайных грехов. Щадит он немногих. Нет более яростного миссионера в стаде немытых, нечистых, неискренних, чем Поль Гарвей, и нет более яростного обличителя тех, кто беден, безработен, голоден. И в то же самое время он постоянно обвиняет средства массовой информации, исключая себя, конечно, в приверженности к плохим новостям: «Какая гадость! Вы никогда не увидите на первой странице ничего, что не было бы связано с кровью, преступлениями, вообще со всем мрачным!» Сам-то он часто прибегает в своих передачах ко всем этим кровожадным историям. Больше всего он любит бессмысленные преступления, совершенные психически больными, но о болезни он предпочитает умалчивать.

Все, что он говорит,— это полуправда. Вот пример: недавно Гарвей рассказал о человеке, который пытался ограбить банк и был пойман на месте преступления. Состоялся суд, и, как Гарвей сказал, «преступника признали невиновным». Затем Гарвей добавил: «Судью зовут Фрэнк Мачала» (имя судьи раскрывало, что он «цветной»). А суть дела состояла в том, что «преступник» был психически больным человеком, пытался совершить ограбление в момент обострения болезни и из суда его отправили в клинику.

Ирония в том, что передача Гарвея, в которой он об этом случае рассказал (это его любимая передача), называется «Суть дела». В прошлом году вышла книга избранных передач «Суть дела», которую составил Поль-младший. После публикации отец и сын разъезжали по стране, вербуя читателей и являя собой трогательное сотрудничество двух поколений. Но суть дела состоит в том, что к книге этой Поль-младший имеет только родственное отношение: это книга его отца, и все.

Правда, Поль-младший утверждает, что он единственный автор книги, поскольку он стал помогать отцу еще в 1975 году, найдя это более выгодным, чем деятельность концертирующего пианиста. Но суть дела в том, что, хоть Поль и готовит некоторые передачи для отца, их можно сосчитать на пальцах. Тем не менее папа сумел добиться для него у Эй-би-си приличного жалованья.

Поль женат на дочери крупного чикагского бизнесмена, известного своей консервативностью в отношении торговли с Востоком. Отцы скинулись и подарили молодоженам четырнадцатикомнатный особняк по соседству с домом Гарвея-старшего. Но послушайте, что говорит отец о сыне в радиопередаче: «Мой сын уже почти год женат, и они так счастливы, так счастливы! К сожалению, они редко видятся — они оба работают, работают много, встречаются только за ужином. Но зарабатывают они вдвоем куда меньше, чем некоторые в Чикаго, которые вообще ничего не делают...»

И он продолжает — не о жизни своего сына в роскошном особняке, об этом ни слова,— а о тех тунеядцах, неграх, безработных, которые живут себе припеваючи за счет общества на пособия по безработице, а дворы их завалены жестянками из-под пива.

Люди, которые слушают его,— слушают именно его: расиста, противника профсоюзов, защитника большого бизнеса, полиции, борца против «всяких заигрываний с коммунистами». Те же, кто не согласен с этими взглядами, просто не обращают на него внимания.

Он любит ездить с лекциями по стране (кстати, за каждую лекцию ему платят по десять тысяч долларов — без разговоров). Его слушатели рвутся увидеть своего кумира. А кумир, одаривая всех сияющей улыбкой, дает автографы на книжке «Суть дела» (семь долларов девяносто пять центов в мягкой обложке), и ведущий представляет его многотысячной аудитории: «Самая известная личность... Комментарии часто цитируются в «Записках конгресса»... Обладатель многих наград... бесстрашный голос молчаливого большинства...»

Он выходит на сцену, высокий, улыбающийся, воздевает руки и, как бы обращаясь к пастве, говорит:

«Добрый вечер, американцы. Как хорошо быть дома!»

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

Рэй БРЭДБЕРИ,
американский писатель

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР, ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

Рассказ

Ну и дела, что это?
— Что «что»?
— Ты ослеп, парень? Гляди!

И лифтер Гэррити высунулся, чтобы посмотреть, на кого же это пялил глаза носильщик.

А из-за дублинской рассветной мглы как раз в парадные двери отеля «Ройял Ибернаен», да струясь прямо к стойке регистрации, откуда ни возьмись прутиковый мужчина лет сорока, а следом за ним — словно всплеск птичьего щебета — пять невысоких прутиковых юнцов лет по двадцати. И так все вьются, веют руками вокруг да около, щурят глаза, под-

маргивают, губы в ниточку, брови в струночку, тут же хмурятся, тут же сияют, то покраснеют, то побледнеют (или все это разом?) — а голоса-то, голоса — ах, пикколо, и флейта, и гобой — ни ноты фальши, музыка! Шесть монологов, и все фонтанируют, сливаясь вместе, целое облако самосочувствия, щебетанье, чириканье о трудностях путешествия и ретивости климата — этот кордебалет реял, ниспадал, говорливо струился, пышно расцветая благоуханием, мимо изумленного носильщика и остолбеневшего лифтера. Сбившись в кучку, все шестеро замерли у стойки.

— Что это? — прошептал Гэрити.— Что это было?

— Спроси кого-нибудь еще! — ответил носильщик.

— Мы хотели бы комнату,— сказал тот самый высокий и стройный. На висках у него пробивалась седина.— Будьте добры.

Управляющий вспомнил, где он находится, и услышал собственный голос:

— У вас заказ, сэр?

— Дорогой мой, конечно, нет! — сказал старший. Остальные засмеялись-зачирикали.— Мы совершенно неожиданно прилетели из Таормины,— продолжал высокий. У него были тонкие черты лица и влажный яркий рот.— Нам ужасно наскучило длинное лето, и тогда кто-то сказал: «Давайте полностью сменим обстановку, давайте будем чудить!» — «Что?» — сказал я. «Ну, ведь есть же на Земле самое невероятное место? Давайте выясним, где это, и отправимся туда». Кто-то сказал: «Северный полюс»,— но это было глупо. Тогда я закричал: «Ирландия!» Тут все прямо попадали. А когда гам стих, мы понеслись в аэропорт. И вот уже нет ни солнца, ни сицилийских пляжей — все растаяло, как вчерашнее лимонное мороженое. И мы здесь, и нам предстоит совершить... нечто таинственное!

— Таинственное? — спросил управляющий.

— Что это такое, мы еще не знаем,— сказал высокий.— Но как только увидим, распознаем сразу же. Либо это произойдет само собой, либо мы сделаем так, чтобы оно произошло. Верно, братия?

Ответ братии отдаленно напоминал нечто вроде «тии-хии».

— Может быть,— сказал управляющий, стараясь держаться на высоте,— вы подскажете мне, что вы разыскиваете в Ирландии, и я мог бы указать вам...

— Господи, да нет же! — воскликнул высокий.— Мы просто помчимся вперед, распустим по ветру наше чутье, словно кончики шарфа, и посмотрим, что из этого получится. А когда мы раскроем тайну и найдем то, ради чего приехали, вы тотчас же узнаете об этом — ахи и охи, возгласы благоговения и восторга донесутся до вас от нашей маленькой туристской группы.

— Это надо же! — выдавил носильщик, затаив дыхание.

— Ну что же, друзья, распишемся?

Предводитель потянулся за скрипучим гостиничным пером, но, увидев, что оно засорено, жестом фокусника вымахнул откуда-то собственную — сплошь из чистейшего золота, в 14 каратов — ручку, посредством которой замысловато, однако весьма красиво вывел светло-вишневой каллиграфической вязью: ДЭВИД, затем СНЕЛЛ, затем черточку и, наконец, ОРКНИ. Чуть ниже он добавил «с друзьями».

Управляющий зачарованно следил за ручкой, затем снова вспомнил о своей роли в текущих событиях.

— Но, сэр, я не сказал, есть ли у нас место...

— О, конечно же, вы найдете. Для шестерых несчастных путников, которые крайне нуждаются в отдыхе... Одна комната — вот все, что нам нужно!

— Одна? — ужаснулся управляющий.

— В тесноте, да не в обиде — так, братцы? — спросил старший.

Конечно, никто не был в обиде.

— Ну что же,— сказал управляющий, неловко возя руками по стойке.— У нас как раз есть два смежных...

— Perfecto![1] — вскричал Дэвид Снелл-Оркни.

Регистрация закончилась, и теперь обе стороны — управляющий за стойкой и гости издалека — уставились друг на друга в глубоком молчании. Наконец управляющий выпалил:

— Носильщик! Вперед! Возьми у джентльменов багаж...

Только теперь носильщик опомнился и бросил взгляд на пол.

Багажа не было.

— Нет, нет, не ищите,— Дэвид Снелл-Оркни беззаботно помахал в воздухе ручкой.— Мы путешествуем налегке. Мы здесь только на сутки, может быть, даже часов на двенадцать, а смена белья рассована по карманам пальто. Скоро назад. Сицилия, теплые сумерки... Если вы хотите, чтобы я заплатил вперед...

— В этом нет необходимости,— сказал администратор, вручая ключи носильщику.— Пожалуйста, сорок шестой и сорок седьмой.

— Понял,— сказал носильщик.

К столику подошла жена управляющего и встала за спиной мужа, во взгляде — сталь.

— Ты спятил? — зашептала она в бешенстве.— Зачем? Ну зачем?

— Всю свою жизнь,— сказал администратор, обращаясь скорее к себе самому,— я мечтал увидеть не двух нигерийцев, но двадцать — во плоти, не трех американских ковбоев, но целую банду, только что из седел. А когда своими ногами является букет из шести оранжерейных роз, я не могу удержаться, чтобы не поставить его в вазу. Дублинская зима долгая, Мег; и это, может быть, единственная искорка за весь год. Готовься, будет дивная встряска.

— Дурак,— сказала она.

И на их глазах лифт, поднимая тяжесть, едва ли большую, чем пух одуванчиков, упорхнул в шахте вверх, прочь...

Серия совпадений, которые неверной походкой, то и дело сбиваясь в сторону, двигались все вместе к чуду, развернулась в самый полдень.

Как известно, отель «Ройял Иберниен» лежит посредине между Тринити-колледжем, да простят мне это упоминание, и парком Стивенс-Грин, более заслуживающим упоминания, а позади за углом лежит Графтэн-стрит, где вы можете купить серебро, стекло, да и белье, но лучше всего нырнуть в кабачок Хибера Финна и принять соответствующую порцию выпивки и болтовни: час выпивки на два болтовни будет лучшей пропорцией.

Как известно, ребята, которых чаще всего встретишь у Финна,— это: Нолан (вы знаете Нолана), Тимулти (кто может забыть Тимулти?), Майк МаГвайр (конечно же, друг всем и каждому), затем Ханнаан, Флаэрти, Килпатрик, а при случае, когда господь бог малость неряшлив в своих делах и на ум отцу Лайему Лири приходит страдалец Иов,— патер является собственной персоной — вышагивает, словно само Правосудие, и вплывает, будто само Милосердие.

Стало быть, это и есть наша компания, на часах — минута в минуту полдень, и кому же теперь выйти из парадных дверей отеля «Иберниен», как не Снеллу-Оркни с его развеселой пятеркой.

А вот и первая из ошеломительной серии встреч.

Ибо мимо, мучительно разрываясь между соблазнами лавки сладостей и кабачком Хибера Финна, следовал Тимулти собственной персоной.

Как вы помните, Тимулти, когда за ним гонятся Депрессия, Голод, Нищета и прочие беспощадные Всадники, работает от случая к случаю на почте. Теперь же, болтаясь без дела, он вдруг унюхал запах, как если бы по прошествии ста миллионов лет врата Эдема вновь широко распахнулись и его пригласили вернуться.

А причиной колебания воздуха был, конечно же, Снелл-Оркни со своими вырвавшимися на волю зверюшками.

— Ну, скажу вам,— говорил Тимулти годы спустя,— глаза у меня выкатились так, словно кто-то хорошенько

[1] *Здесь: «Великолепно!» (итал.).— Примеч. пер.*

трахнул по черепушке. И волосы зашевелились.

Тимулти, застыв на месте, смотрел, как делегация Снелла-Оркни струилась по ступенькам вниз и утекала за угол. Тут-то он и рванул дальним путем к Финну, решив, что на свете есть услады почище леденцов.

А в этот самый момент, огибая угол, мистер Дэвид Снелл-Оркни-и-пятеро миновал нищую особу, игравшую на тротуаре на арфе. И надо же было там оказаться именно Майку МаГвайру, который от нечего делать убивал время в танце — выдавал собственного изобретения ригодон, крутя ногами сложные коленца под мелодию «Легким шагом через луг». Танцуя, Майк МаГвайр услышал некий звук, словно порыв теплого ветра с Гебридов. Не то чтобы щебет, не то чтобы стрекотанье, а чем-то похоже на зоомагазин, когда вы туда входите, и звякает колокольчик, и хор попугаев и голубей разражается воркованьем и короткими вскриками. Но звук этот Майк услышал точно, даже за шарканьем своих ботинок и переборами арфы. И застыл в прыжке.

Когда Дэвид Снелл-Оркни-и-пятеро проносился мимо, вся тропическая братия улыбнулась и помахала МаГвайру.

Еще не осознав, что он делает, Майк помахал в ответ, затем остановился и прижал оскверненную руку к груди.

— Какого черта я машу? — закричал он в пространство.— Ведь я же их н е з н а ю, так?!

— В боге обрящешь силу! — сказала арфистка, обращаясь к арфе, и грянула по струнам.

Словно влекомый каким-то новым диковинным пылесосом, что вбирает все на своем пути, Майк потянулся вниз по улице.

Так что речь идет уже о двух чувствах — о чувстве обоняния и чуткости ушей.

А н а с л е д у ю щ е м углу — Нолан, только что вылетевший из кабачка по причине спора с самим Финном, круто повернулся и врезался в Дэвида Снелла-Оркни. Оба покачнулись и схватились друг за друга, ища поддержки.

— Честь имею! — сказал Дэвид Снелл-Оркни.

— Мать честная! — ахнул Нолан и, разинув рот, отпал, чтобы пропустить этот цирковой парад. Его страшно подмывало юркнуть назад, к Финну. Бой с кабатчиком вылетел из памяти. Он хотел тут же поделиться об этой сногсшибательной встрече с компанией из перьевой метелки, сиамской кошки, недоделанного мопса и еще трех прочих — жутких дистрофиков, жертв недоедания и чересчур усердного мытья.

Шестерка остановилась возле кабачка, разглядывая вывеску.

«О боже! — подумал Нолан.— Они собираются войти. Что теперь б у д е т? Кого предупреждать первым? Их? Или Финна?»

Но тут дверь распахнулась, и наружу выглянул сам Финн. «Черт! — подумал Нолан.— Это портит все дело. Теперь уж не нам описывать происшествие. Теперь будет: Финн то, Финн се, а нам заткнуться, и все!» Очень-очень долго Снелл-Оркни и его братия разглядывали Финна. Глаза же Финна на них не остановились. Он смотрел вверх. И смотрел поверх. И смотрел сквозь.

Но он в и д е л их, уж это Нолан знал. Потому что случилось нечто восхитительное.

Краска сползла с лица Финна.

А затем произошло еще более восхитительное.

Краска снова хлынула в лицо Финна.

«Ба! — вскричал Нолан про себя.— Да он же... к р а с н е е т!»

Но все же Финн по-прежнему блуждал взором по небу, фонарям, домам, пока Снелл-Оркни не прожурчал:

— Сэр, как пройти к парку Стивенс-Грин?

— Бог ты мой! — сказал Финн и повернулся спиной.— Кто знает, к у д а они задевали его н а э т о й неделе! — захлопнул дверь.

Шестерка отправилась дальше, улыбаясь и лучась восторгом, и Нолан готов был уже вломиться в дверь, как стряслось кое-что почище предыдущего. По тротуару нахлестывал невесть откуда взявшийся Гэррити, лифтер из отеля «Ройял Иберниен». С пылающим от возбуждения лицом он первым ворвался к Финну с новостью.

К тому времени, как Нолан оказался внутри, а следом за ним и Тимулти, Гэррити уже носился взад-вперед вдоль стойки бара, а ошеломленный Финн стоял по ту сторону.

— Эх! Что сейчас было! Куда вам! — кричал Гэррити, обращаясь ко всем сразу.— Я говорю, это было почище, чем те фантастические киношки, что крутят в «Гэйети-синема»!

— Что ты хочешь сказать? — спросил Финн, встряхнувшись.

— Весу в них н е т! — сообщил Гэррити.— Поднимать их в лифте — все равно что горсть мякины в каминную трубу запустить! И вы бы с л ы ш а л и. Они здесь, в Ирландии, для того, чтобы...— он понизил голос и зажмурился,— ...совершить н е ч т о т а и н с т в е н н о е!

— Таинственное! — все подались к нему.

— Что именно — не говорят, но — попомните мои слова — они здесь не к добру! Видели вы когда что-нибудь подобное?

— Со времени пожара в монастыре,— сказал Финн,— ни разу. Я...

Однако слово «монастырь» оказало новое волшебное воздействие. Дверь тут же распахнулась, и в кабачок вошел отец Лири задом наперед. То есть он вошел, пятясь, держась одной рукой за щеку, словно бы судьба исподтишка дала ему хорошую оплеуху.

Его спина была столь красноречива, что мужчины погрузили носы в пиво, выждав, пока патер сам не промочил слегка глотку, все еще тараща глаза на дверь, будто на распахнутые врата ада.

— Меньше двух минут назад,— сказал патер наконец,— узрел я картину невероятную. Ужели после стольких лет сбирания в своих пределах сирых мира сего Ирландия и впрямь сошла с ума?

Финн снова наполнил стакан священника.

— Не захлестнул ли вас поток п р и ш е л ь ц е в с В е н е р ы, патер?

— Ты их видел, что ли, Финн? — спросил преподобный.

— Да. Вам зрится в них недоброе, ваша святость?

— Не столько доброе или недоброе, сколько странное и ч р е з м е р н о е, Финн, и я выразил бы это словами «рококо» и, пожалуй, «барокко», если ты следишь за течением моей мысли.

— Я просто качаюсь на ее волнах, сэр.

— Уж коль вы их видели последним, куда они направились-то? — спросил Тимулти.

— На опушку Стивенс-Грина,— сказал священник.— Вам не мерещится ли, что сегодня в парке будет нечто непотребное?

— Прошу прощения, патер, погода не позволит,— сказал Нолан,— но сдается мне, что, чем стоять здесь и трепать языком, вернее было бы проследить...

— Это против моей этики,— сказал священник.

— Утопающий хватается за все, что угодно,— сказал Нолан,— но если он вцепится в э т и к у вместо спасательного круга, то, возможно, пойдет на дно вместе с ней.

— Вот это больше похоже на дело,— заорал Келли.— Давайте д е й с т в и т е л ь н о разузнаем, что за чертовщину они готовят.

Они вылетели за дверь.

На тротуаре священник давал указания:

— Келли, Мэрфи, вам обойти парк с севера. Тимулти, зайдешь с юга. Нолан и Гэррити — на восток. Моран, МаГвайр и Килпатрик — на запад. Пшли!

Так или иначе, но в этой суматохе Келли и Мэрфи застопорились на полпути к Стивенс-Грину, в пивной «Четыре трилистника», где они подкрепились перед погоней; а Нолан и Моран повстречали на улице жен и вынуждены были бежать в противоположном

направлении, а МаГвайр и Килпатрик, проходя мимо «Элит-синема» и услышав, что внутри поет Лоренс Тиббетт, напросились на вход в обмен на пару недокуренных сигарет.

И вышло в результате так, что за странными пришельцами наблюдали только двое — Гэррити с восточной и Тимулти с южной стороны парка.

Постояв с полчаса на леденящем ветру, Гэррити приковылял к Тимулти и заявил:

— Что стряслось с этими паршивцами? Они просто стоят и стоят там посреди парка. За полдня не сдвинулись ни с места. А у меня пальцы на ногах вымерзли напрочь. Я слетаю в отель, обогреюсь и тут же примчусь, Тим, назад — стоять с тобой на страже.

— Можешь не спешить,— произнес Тимулти очень странным, грустным, далеким, философическим голосом, когда тот пустился наутек.

Оставшись в одиночестве, Тимулти вошел в парк и целый час сидел там, созерцая шестерку, которая по-прежнему не двигалась с места. Любой, кто увидел бы в этот момент Тимулти — глаза блуждают, рот искажен трагической гримасой,— вполне принял бы его за какого-нибудь ирландского собрата Канта или Шопенгауэра или подумал бы, что он недавно прочитал нечто поэтическое или впал в уныние от пришедшей на ум песни. А когда наконец час истек и Тимулти собрал разбежавшиеся мысли, словно пригоршню холодной гальки, он повернулся и направился прочь из парка. Гэррити уже ждал его. Он притопывал ногами, размахивал руками и готов был лопнуть от переполнявших его вопросов, но Тимулти показал пальцем на парк и сказал:

— Иди посиди. Посмотри. Подумай. И тогда сам мне все расскажешь.

Когда Тимулти вошел к Финну, вид у всех был трусоватый. Священник все еще бегал с поручениями по городу, а остальные, походив для успокоения совести вокруг да около Стивенс-Грина, вернулись в замешательстве в штабквартиру разведки.

— Тимулти! — закричали они.— Рассказывай же! Что? Как?

Чтобы протянуть время, Тимулти прошел к бару и занялся пивом. Не произнося ни слова, он разглядывал свое отражение, глубоко-глубоко захороненное под лунным льдом зеркала за стойкой. Он повертывал тему разговора так. Он выворачивал ее наизнанку. И снова на лицевую, но задом наперед. Наконец он закрыл глаза и сказал:

— Сдается мне, будто бы...

«Да, да»,— сказали про себя все вокруг.

— Всю жизнь я путешествовал и размышлял,— продолжал Тимулти,— и вот через высшее постижение явилась ко мне мысль, что между ихним братом и нашим есть какое-то странное сходство.

Все выдохнули с такой силой, что вокруг заискрилось, в призмах небольших люстр над стойкой забегали туда-сюда зайчики света. А когда после выдоха перестали роиться эти косячки световых рыбок, Нолан вскричал:

— Не хочешь ли надеть шляпу, чтобы я мог сшибить ее первым же ударом?

— Сообразите-ка,— спокойно сказал Тимулти.— Мастера мы на стихи и песни или нет?

Еще один вздох пронесся над сборищем. Это был теплый ветерок одобрения.

— Конечно, еще бы!

— Тихо! — Тимулти поднял руку, все еще не открывая глаз.

Все смолкли.

— Если мы не распеваем песни, то лишь потому, что сочиняем их. А если и не сочиняем, то пляшем под них. Но разве они не такие же любители песен, не так складывают их или не так танцуют? Словом, только что я слышал их близко, в Грине,— они читали стихи и тихонько пели, сами для себя.

В чем-то Тимулти был прав. Каждый хлопнул соседа по плечу и вынужден был согласиться.

— Нашел ты какие-нибудь другие сходства? — мрачно насупившись, спросил Финн.

— О да,— сказал Тимулти, подражая судье.

Пронесся еще один завороженный вздох, и сборище придвинулось ближе.

— Время от времени они не прочь выпить,— сказал Тимулти.

— Господи, он прав! — вскричал Мэрфи...

После этого разразился великий шум, начались крики и толкотня, и все принялись заказывать пиво, и кто-то позвал Тимулти наружу поговорить по душам. Но Тимулти даже веком не дрогнул, и скандал улегся, а когда все сделали по доброму глотку, проглотив вместе с пивом едва не начавшуюся драку, ясный громкий голос — голос Финна — возвестил:

— Теперь не сочтешь ли ты нужным дать объяснение тому преступному сравнению, каким ты только что осквернил чистый воздух моего достойного кабачка?

Тимулти не торопясь приложился к кружке, и открыл наконец-то глаза, и спокойно взглянул на Финна, и звучно произнес трубным гласом, дивно чеканя слова:

— Эти парни, что приехали к нам в гости из Сицилии, бродят компанией. Мы бродим компанией. Вот и сейчас вся наша братия собралась здесь, у Финна. Разве не так?

— Будь проклят, если не так!

— Иногда у них грустный и меланхоличный вид, но все остальное время они беззаботны как черти и плюют решительно на все — вверх ли, вниз ли, но никогда не прямо перед собой. Кого вам это напоминает?

Все заглянули в зеркало и кивнули.

— Если бы у нас был выбор,— продолжал Тимулти,— пойти домой — кислым и потным от страха — к злющей жене и жуткой теще и засидевшейся в девках сестрице, или же остаться здесь, у Финна, спеть еще по песне, выпить еще пива и рассказать еще по анекдоту, что бы все мы предпочли? Подумайте об этом. И отвечайте правдиво. Сходства. Подобия. Длинный список получается — с руки на руку и через плечо. Стоит хорошенько обмозговать все, прежде чем мы начнем прыгать повсюду и кричать «Иисусе!» и «Святая Мария!» и призывать на помощь стражу.

Тишина.

— Я хотел бы...— спустя многомного времени сказал кто-то странным, изменившимся голосом,— ...разглядеть их поближе.

— Думаю, твое желание исполнится. Тсс!

Все замерли в живой картине.

Откуда-то издалека донесся слабый, еле уловимый звук. Как тем дивным утром, когда просыпаешься и лежишь в постели и особым чувством угадываешь, что снаружи падает первый снег, лаская на своем пути вниз небеса, и тогда тишина отодвигается в сторону, отступает уходя.

— О боже! — сказал наконец Финн.— Первый день весны...

Да, и это тоже. Сначала тончайший снегопад шагов, ложащийся на булыжник, а затем птичий гомон.

И на тротуаре, и ниже по улице, и возле кабачка слышались звуки, которые были и зимой и весной одновременно. Дверь широко распахнулась. Мужчины качнулись, словно им уже нанесли удар в предстоящей стычке. Они уняли нервы. Они сжали кулаки. Они стиснули зубы, а в кабачке — словно дети явились на рождественский праздник, где, куда ни глянь, безделицы, игрушки, краски, подарки,— уже стоял высокий тонкий человек постарше, который выглядел совсем молодым, и маленькие тонкие человечки помоложе, но в глазах у них — что-то стариковское. Звук снегопада стих. Птичий весенний гам смолк.

Стайка чудных детей, подгоняемых чудным пастырем, неожиданно ощутила, будто волна людей схлынула и они оказались на мели, хотя никто из мужчин у бара не сдвинулся на волосок.

Дети теплого острова разглядывали невысоких, ростом с мальчишек, коротеньких взрослых мужчин этой холодной земли, и взрослые мужчины

отвечали им такими же взглядами строгих судей.

Тимулти и мужчины у бара медленно, с затяжкой втянули в себя воздух. Даже на расстоянии чувствовался ужасающий чистый запах детей. Слишком много весны было в нем.

Снелл-Оркни и его юные-старые мальчики-мужи задышали быстро-быстро — так бьется сердце птички, попавшей в жестокую западню сжатых кулаков. Даже на расстоянии чувствовался пыльный, спертый, застоявшийся запах темной одежды коротеньких взрослых. Слишком много зимы было в нем.

В этот самый момент двойные двери бокового входа с шумом распахнулись и в кабачок, трубя тревогу, ворвался Гэррити во всей красе:

— Господи! Я все видел! Знаете ли вы, где они с е й ч а с? И что они д е л а ю т?

Все до единой руки в баре предостерегающе взметнулись.

По испуганным взглядам пришельцы поняли, что крик из-за них.

— Они все еще в Стивенс-Грине! — на бегу Гэррити ничего не зрил перед собой.— Те парни...

— Те парни,— сказал Дэвид Снелл-Оркни,— находятся здесь, в...

— В кабачке Хибера Финна,— сказал Хибер Финн, разглядывая свои башмаки.

— Хибера Финна,— сказал высокий, благодарно кивнув.

— Где мы немедленно все и выпьем,— сказал, поникнув, Гэррити. Он метнулся к бару.

Но шестеро пришельцев тоже пришли в движение. Они образовали маленькую процессию по обе стороны Гэррити, и из одного только дружелюбия тот ссутулился, став дюйма на три ниже.

— Добрый день,— сказал Снелл-Оркни.

— Добрый, да не очень,— осторожно сказал Финн, выжидая.

— Сдается мне,— сказал предводитель,— идет много разговоров о том, чем мы занимаемся в Ирландии.

— Это было бы самым скромным толкованием событий,— сказал Финн.

— Позвольте мне объяснить,— сказал Дэвид Снелл-Оркни.— Слышали ли вы когда-нибудь о Снежной Королеве и Летнем Короле?

Разом отвисли несколько челюстей. Финн, поразмыслив секунду, с какой стороны на него может обрушиться удар, с угрюмой аккуратностью медленно налил себе спиртного. Он опрокинул с храпом кружку и, ощутив во рту пламень, осторожно переспросил, выпуская горячее дыхание поверх языка:

— Э-э... Ч т о это там за Королева и Король еще?

— Значит, так. Жила-была эта Королева, и жила она в Стране Льда, где никогда не видели лета, а тот самый Король жил на Островах Солнца, где никогда не видели зимы. Подданные Короля чуть ли не умирали от жары летом, а подданные Королевы чуть ли не умирали ото льда зимой. Однако народы обеих стран были спасены от ужасов своей погоды. Снежная Королева и Солнечный Король повстречались и полюбили друг друга, и каждое лето, когда солнце убивало людей на островах, они перебирались на север, в ледяные края, и жили в умеренности. А каждую зиму, когда снег убивал людей на севере, весь народ Снежной Королевы двигался на юг и жил на островах, под мягким солнцем. Итак, не стало больше двух наций и двух народов, а была единая раса, которая сменяла один край на другой — края странной погоды и буйных времен года. К о н е ц.

Последовал взрыв аплодисментов, но исходил он не от прутиковых юношей, а от мужчин, выстроившихся вдоль позабытого бара. Финн увидел, что его ладони сами хлопают друг о друга, и убрал их вниз. Остальные глянули на свои руки и опустили их.

Тимулти заключил:

— Боже, вам бы настоящий ирландский акцент! Какой рассказчик сказок из вас получился бы!

— Премного благодарен, премного благодарен!

— Раз премного, то пора добраться до сути сказки,— сказал Финн.— Я хочу сказать, ну, об этой Королеве и Короле.

— Суть в том,— сказал Снелл-Оркни,— что последние пять лет мы не видели, как падают листья. Если мы углядим облако, то вряд ли распознаем, что это такое. Десять лет мы не ведали снега, ни даже капли дождя. В н а ш е й сказке все наоборот. Либо дождь, либо мы погибнем, верно, братцы?

— О да, верно,— мелодично пропела вся пятерка.

— Шесть или семь лет мы гонялись за теплом по всему свету. Мы жили и на Ямайке, и в Нассау, и в Калькутте, и на Мадагаскаре, и на Бали, и в Таормине, но наконец сегодня мы сказали себе: мы должны ехать на север, нам снова нужен холод. Мы не совсем точно знали, что ищем, но мы нашли это в Стивенс-Грине.

— Нечто т а и н с т в е н н о е? — воскликнул Нолан.— То есть...

— Ваш друг вам расскажет,— сказал высокий.

— Н а ш друг? Вы имеете в виду... Гэррити?

— Что я и хотел сказать,— произнес Гэррити.— Там, в парке, они стояли и... с м о т р е л и, к а к ж е л т е ю т л и с т ь я.

— И это в с е? — спросил в смятении Нолан.

— В настоящий момент этого вполне достаточно,— сказал Снелл-Оркни.

— Неужто в Стивенс-Грине листья действительно ж е л т е ю т? — спросил Килпатрик.

— Вы знаете,— оцепенело сказал Тимулти,— последний раз я н а б л ю д а л это лет двадцать назад.

— Самое прекрасное зрелище на свете,— сказал Дэвид Снелл-Оркни,— открывается именно сейчас, посреди парка Стивенс-Грин.

— Он говорит дело,— пробормотал Нолан.

— Выпивка за мной,— сказал Дэвид Снелл-Оркни.

— В самую т о ч к у! — сказал Магвайр.

— Всем шампанского!

— Плачу я! — сказал каждый.

И не прошло десяти минут, как все были уже в парке, все вместе.

Ну так что же, как говаривал Тимулти много лет спустя, видели вы когда-нибудь еще столько же распроклятых листьев в одной кроне, сколько их было на первом попавшемся дереве сразу за воротами Стивенс-Грина? «Нет!» — кричали все. А что тогда сказать о в т о р о м дереве? На нем был просто м и л л и а р д листьев. И чем больше они смотрели, тем больше постигали, что это было чудо. И Нолан, бродя по парку, так вытягивал шею, что, споткнувшись, упал на спину, и двум или трем приятелям пришлось его поднимать; и были всеобщие благоговейные вздохи и возгласы о вдохновении, ибо, если уж на то пошло, то, насколько они помнят, на этих деревьях никогда н е б ы л о ни одного распроклятого листочка, а вот теперь они появились! Или, если они там и были, у них н и к о г д а не замечалось никакой окраски, или даже, если окраска и н а л и ч е с т в о в а л а, хм, это было так давно... «Ах, какого дьявола,— сказали все,— заткнитесь и смотрите!»

Именно этим и занимались всю оставшуюся часть вечереющего дня и Нолан, и Тимулти, и Келли, и Килпатрик, и Гэррити, и Снелл-Оркни, и его друзья. Суть в том, что страной завладела осень, и по всему парку были выкинуты миллионы ярких флагов.

Но день достиг апофеоза, когда, уже в кабачке, один из юных-старых мальчиков-мужей спросил, как быть: спеть ли ему «Матушку Макри» или «Дружка-приятеля»?

Последовала дискуссия, а после того, как подсчитали голоса и объявили результаты, он спел и т о и д р у г о е.

И вдруг настало время прощаться.

— Великий боже! — сказал Финн.— Вы же только что приехали!

— Мы нашли то, что искали, нам больше незачем оставаться,— объя-

вил высокий-грустный-веселый-старый-молодой человек.— Цветам пора в оранжерею... а то за ночь они поникнут. Мы никогда не задерживаемся. Мы всегда летим и несемся вскачь и бежим. Мы всегда в движении.

Аэропорт затянуло туманом, и птичкам ничего другого не оставалось, как заключить себя в клетку судна, идущего из Дан-Лэре в Англию, и завсегдатаям Финна не оставалось ничего другого, как стоять в сумерках на пирсе и наблюдать за их отправлением. Вот там, на верхней палубе, стояли все шестеро и махали вниз своими тоненькими ручками, а вот там стояли Тимулти, и Нолан, и Гэррити, и все остальные и махали вверх своими толстыми ручищами. А когда судно дало свисток и отчалило, Главный Смотритель Птичек кивнул, взмахнул, словно крылом, правой рукой, и все запели:

Я шел по славному городу Дублину,
Двенадцать часов пробило в ночи,
И видел я девушку, милую девушку,
Власы распустившую в свете свечи.

— Боже,— сказал Тимулти,— вы *слышите*?

— Сопрано, все до одного сопрано! — вскричал Нолан.

— Не ирландские сопрано, а настоящие, *настоящие* сопрано,— сказал Келли.— Проклятье, почему они не сказали *раньше*? Если б мы знали, мы бы слушали *это* еще целый час до отплытия.

Тимулти кивнул и шепнул, слушая, как мелодия плывет над водами:

— Удивительно. Удивительно. Страшно не хочется, чтобы они уезжали. Подумайте. Подумайте. Сто лет или даже больше люди говорили, что их не осталось ни одного. И вот они вернулись, пусть даже на короткое время!

— *Кого* ни одного? — спросил Гэррити.— И *кто* вернулся?

— Как,— сказал Тимулти,— эльфы, конечно. Эльфы, что раньше жили в Ирландии, а теперь больше не живут, которые явились сегодня и сменили нам погоду. И вот они снова уходят — те, что раньше жили здесь всегда.

— Да заткнись же ты! — закричал Килпатрик.— Слушай!

И они слушали — десять мужчин на самой кромке пирса,— а судно удалялось, и пели голоса, и опустился туман, и они долго-долго не двигались, пока судно не ушло совсем далеко и голоса не растаяли, как аромат папайи в сумеречной дымке.

Когда они возвращались к Финну, пошел дождь.

Сокращенный перевод с английского В. БАБЕНКО

Рис. В. ЛЕОНТЬЕВА

БРАТЬЯ ПО КРОВИ

Фрэнк РОУЗ,
американский журналист

Время действия: конец 1978 года. Место действия: контора процветающего владельца фирмы «РСО-рекордз» Роберта Стигвуда. Действующие лица: Робин Джибб, участник группы «Би джиз», дух Роберта Стигвуда, их менеджера, и репортер. Идет разговор о последних работах «Би Джиз».

А именно альбом «Дети мира» разошелся четырехмиллионным тиражом, написана музыка к фильму «Лихорадка субботней ночи» (Стигвуд — продюсер), пластинка с этой музыкой признана самой доходной пластинкой за всю историю шоу-бизнеса, записан еще один диск «Би Джиз»... наконец-то... прямо с концерта», идут съемки в мюзикле «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» (на тему песен «Битлз», продюсер — Стигвуд, естественно). И всякая прочая мелочь в виде хитов.

Робин Джибб парень веселый, но чуточку нервный. За 20 лет в шоу-бизнесе и 10 лет в лучах славы в нем выработался условный рефлекс: журналистов надо бояться.

Я начинаю говорить о том, как они пишут песни,— и Робина вдруг прорывает: «Никто никогда не спрашивал нас о том, как мы пишем! Это поражает меня! По-моему, люди даже не отдают себе отчета в том, что мы поем свои собственные песни!»

И правда, способности к написанию песен у «Би Джиз» феноменальны. Они пишут боевики так же, как другие — поздравительные открытки. Они пишут их по требованию — в любое время, в любом месте, на любую тему. Многие из них они написали, сидя на ступеньках. «Пустые разговоры», один из хитов, был написан по дороге в автобусе из Майами в Майами-Бич. Стигвуд говорит им, к примеру: «Мне нужна песня на восемь минут — и за восемь минут три разных настроения. Сначала что-то романтическое. Затем немного страсти. И в конце что-то уж-ж-жасно душещипательное!» Бестселлер «Живой» для «Лихорадки субботней ночи» они написали за два часа.

«Би Джиз» имеют слабое представление о том, что они хотели бы сказать своими песнями. В «Живом» есть такие строчки: «Пусть ты мать, пусть ты брат — все рав-

но ты жив, жив...» Многие оценили это как удивительную глубину. Робин: «Так получилось совершенно случайно. Это очень просто. Мы собираемся вместе, придумываем строчки, ничего не записываем — мы не знаем нот — и храним эти мелодии и слова в голове вплоть до времени записи в студии».

«Би Джиз» пишут песни таким вот способом с того времени, как Робину сравнялось семь лет. Тогда они жили в Манчестере — два брата-близнеца Робин и Морис, старший брат Барри, старшая сестра Лесли и крошка братик Энди. «Шоу-бизнес, — рассуждает теперь Робин Джибб, — это такая штука... с ним надо родиться в крови». Когда Барри, Робин и Морис родились (с шоу-бизнесом в крови), он был великим и славным ремеслом. Одним из тех, кто в нем подвизался, был отец Джиббов, руководитель духового оркестра на пароме. И не вина братиков в том, что к тому времени, когда они подросли, слава от шоу-бизнеса ушла. Шоу-бизнес пыхтел, как загнанная лошадь, а трое симпатичных ребятишек начали карьеру детского вокального трио — пели в кинотеатрах, «перед королевой» (в провинциальных английских «киношках» до начала сеанса показывали тогда портрет королевы Елизаветы). Ох, не ко времени это было: денег — чуть, славы — ноль.

В 1958 году Джибб-папаша, вдоволь хлебнув горькой доли пролетария шоу-бизнеса (хоть и надоело это слово, да другого не придумаешь) в Англии, решил перевезти семью в Австралию. И братики с папой во главе развернули военные действия в зоне антиподов. Там их восприняли как забавную новинку.

«Отец, — говорит Робин, — не толкал нас на сцену. Но когда он увидел, что мы прирожденные исполнители, то стал делать все, чтобы поддержать нас». Барри и оба близнеца ушли из школы, папа бросил работу: «Би Джиз» решили взяться за дела серьезно. Слаженно петь они умели. Работать на публику их научил родитель. («Вколачивая в нас премудрости сцены, отец воплощал собственные несбывшиеся мечты стать звездой эстрады...»)

В 1962 году братья начали записываться. Сначала провалы следовали за провалами, но вот выходит пластинка «Курочка Ряба». Победа! Первое место в австралийском хит-параде! Но... «Даже самый большой успех в Австралии реально ничего не означает. Все равно дальше Тасмании и Новой Гвинеи тебя никто не услышит», — сказал проницательный папа-Джибб. И вот в январе 1967 года «Би Джиз» вновь оказываются в Англии.

Еще до отъезда Джиббы послали свои пленки в компанию НЕМС. Роберт Стигвуд тогда был ее управляющим. Сразу по приезде братьев он пожелал немедленно услышать их «в натуре». «Мне понравились их композиции, — вспоминает Стигвуд, — понравилось их гармоничное пение».

Стигвуд подписал с ними пятилетний контракт и немедленно отправил в студию. Там, обессиленные, братья уселись — по традиции — на ступеньки и написали «Аварию на шахте». Пластинка стала бестселлером, и к концу года «Би Джиз» были знаменитостями.

Стигвуд называет это «первым раундом» карьеры «Би Джиз». Для него были характерны тягучие баллады, поток струнных инструментов, боевик за боевиком, традиционные допинги и полный разброд под конец. Разброд этот был не только результатом неожиданной и мгновенной славы; это «баловство», по выражению Роберта Стигвуда, было общим синдромом всех групп в конце 60-х годов. «Би Джиз» просто-напросто вслед за остальными объявили о «внутренних противоречиях», «музыкальных разногласиях», распались и начали записывать сольные пластинки. Однако ничего дельного у них не получилось.

Разрыв произошел в начале 1969 года. Робин объявил о своем намерении выпустить сольный альбом, а Морис Барри и Стигвуд — о намерении вчинить ему иск. Далее пошла полная неразбериха. Ударник группы Колин Петерсен (единственный небрат) стал набирать новую группу и попытался назвать ее «Би Джиз» (кстати, «Би Джиз» — инициалы старшего брата — Барри Джибба). Барри и Морис вчинили иск и ему и ответили на диск отколовшегося братца Робина своей телепрограммой... Короче, больше года прошло, пока Робин внял мольбам Стигвуда и пошел мириться с братьями.

«Второй раунд» карьеры «Би Джиз» начался относительно многообещающе. Пресса о группе, правда, отзывалась плохо, но хиты тем не менее были. Но скоро их не стало. Раунд грозил завершиться нокаутом. Проблема, как ее теперь понимают члены группы, была проста — они зациклились. Всем уже осточертели оперы-баллады. Первоначальной реакцией, натурально, было записать их еще больше, что и было сделано в альбоме «Мистер Натуральный». Это не сработало, и тогда шеф Стигвуд осерчал: «У меня возникло ощущение, что они ничего не слушают и не представляют себе, что сейчас происходит в нашей индустрии. Пришлось провести с ними неприятную беседу...»

Разговор подействовал, потому что следующей записью группы стала пластинка «Главный курс», показавшая кардинальное изменение курса. Диско! Братья без труда справились с таким крутым поворотом: Морис его «обожает», Барри считает «приятным и энергичным», Робин уверен, что этой форме они придают новое качество. Но, конечно, в первую очередь это был умный коммерческий ход. Он открыл группе совершенно новый рынок.

Теория «Би Джиз» гласит, что переключение на диско явилось просто логическим завершением прежней работы. «Мы всегда писали одинаковую музыку, — говорит Робин, — но раньше мы не умели ее как следует подавать».

«Семейная компания» — эти слова часто адресуются РСО. Это верно и в буквальном смысле слова: отец братьев Джибб по-прежнему является осветителем на их концертах. Подросший младший братец Энди был (по достижении совершеннолетия) немедленно вызван в американскую штаб-квартиру и зачислен в штат сольным певцом. Композиторскими талантами он пока не блещет, зато поет неплохо. Конечно, старшие родственники помогают новичку своими песнями. К сожалению, Энди парень современный, он больше хочет быть телеактером, чем певцом. Однако в запасе остается 12-летняя Берри Джибб, последыш. Во внешности и наклонностях ее ничего выдающегося нет — обыкновенная девочка. Но поет много — и, наверное, с ней все ясно. Однако реальный и горячо любимый «дэдди» — это Роберт Стигвуд. И глава и голова: в компании царит настоящий культ этого человека.

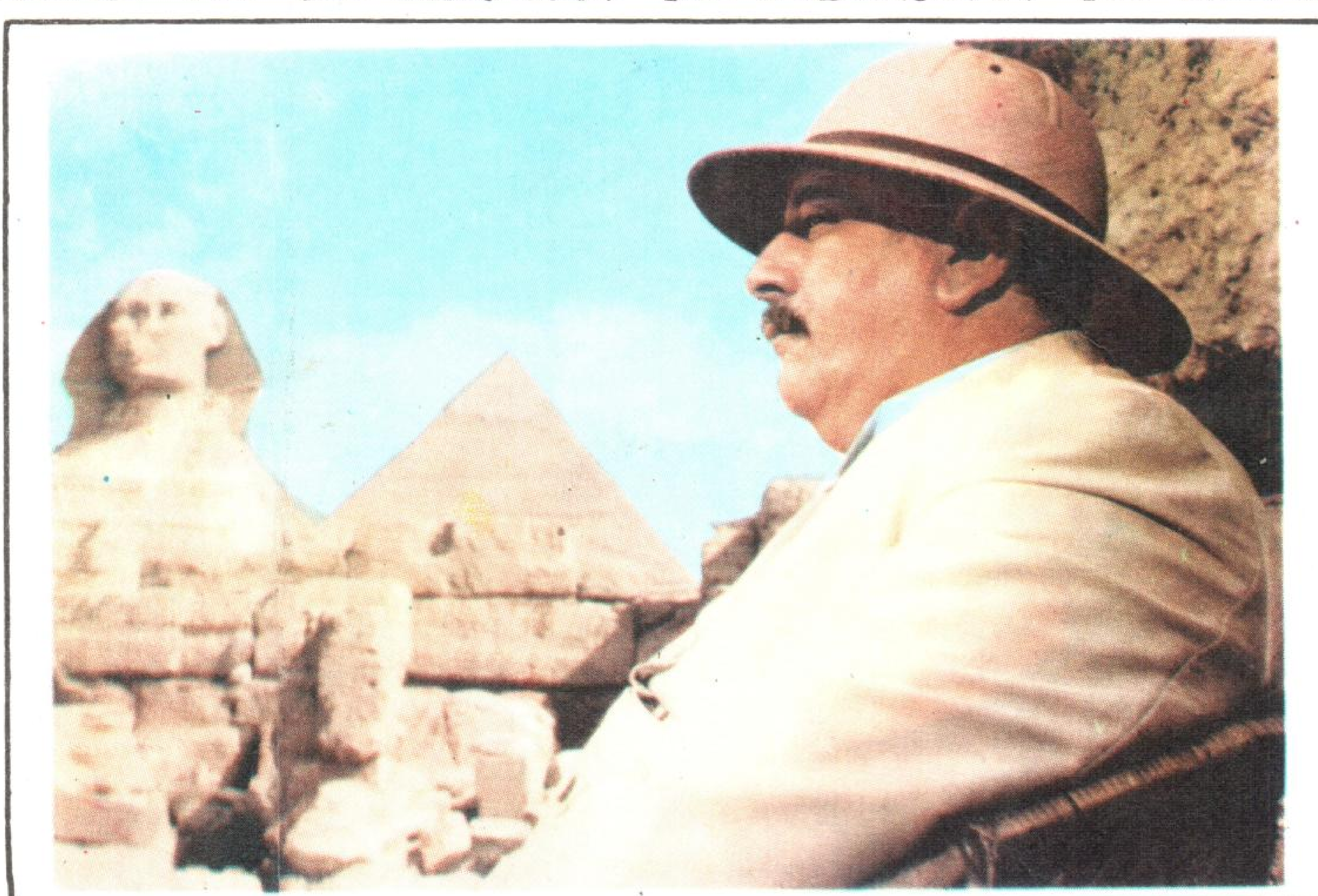
«Би Джиз» воспринимают свою работу как ремесленники. Еще в Австралии братья часами слушали радио, пытаясь «вычислить», что же людям нравится. И они нашли несколько видов музыки, у которой всегда есть потребитель: баллады, соул, кантри... «Изучая свое дело, — объясняет Робин, — надо прежде всего уяснить, что трогает людей: где дело беспроигрышное, а где провал неизбежен».

У «Би Джиз» нет иллюзий. «Мы полностью отдаем себе отчет в том, что наша музыка почти стопроцентно коммерческая, — говорит Робин, — мы пишем на потребу сегодняшнего дня».

По-моему, в этом и есть секрет их успеха: «Би Джиз» твердо знают, кто они есть и кем они никогда не будут. Что ж, было время это выяснить.

Пройдут годы и годы, они станут старше, но останутся такими же ясноглазыми, улыбчивыми милягами шоу-бизнеса. На них так спокойно смотреть... Что ни говори, семья — опора общества.

Перевел с английского А. ТРОИЦКИЙ

БОЛЕЗНИ ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА

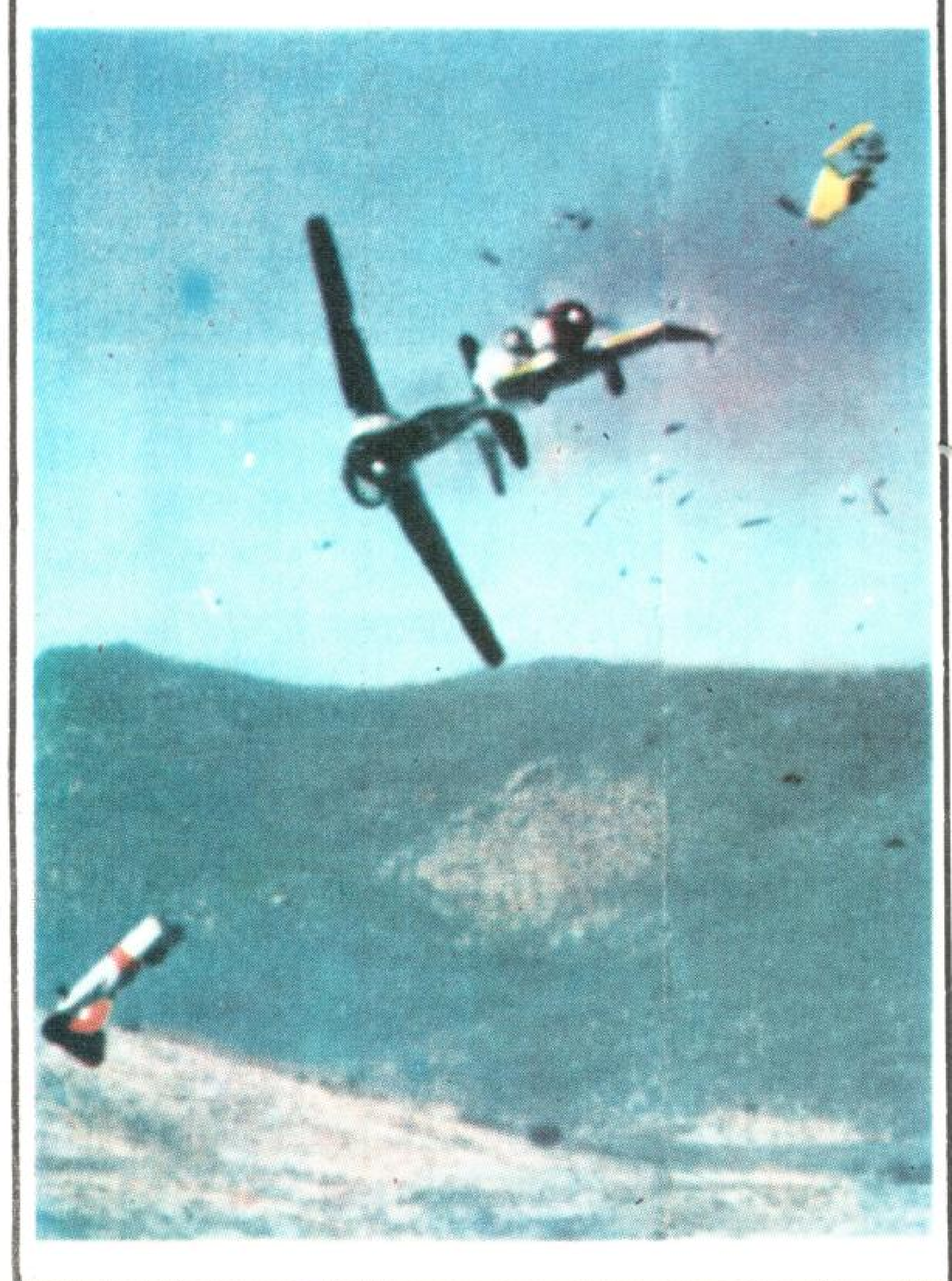
«Англией в миниатюре» называют критики детективы Агаты Кристи. Непременное условие их — события развиваются в замкнутом пространстве, которое населяют представители различных слоев английского общества. Да и преступления настолько типично английские, что раскрыть их может только человек извне — бельгиец Эркюль Пуаро. Раскрывая тщательно придуманные леди Агатой преступления, Эркюль Пуаро вместе с Агатой Кристи выявляет и типичные пороки большого острова.

Недавно по нашим экранам прошел фильм «Убийство в восточном экспрессе», где роль замкнутого пространства играл старомодный поезд, а знаменитого сыщика — знаменитый актер Алберт Финни. Сейчас та же киностудия ЭМИ выпустила новый фильм по Агате Кристи «Смерть на Ниле», в роли замкнутого пространства — старомодный пароход, Эркюля Пуаро — еще одна звезда английского театра и кино Питер Устинов (его вы видите на снимке).

КАЛЬКУЛЯЦИЯ СМЕРТИ

Те, кто раз в году едет посмотреть гонки на старых самолетах, устраиваемые в пустынном уголке штата Невада (США), знают: есть реальный шанс своими глазами увидеть катастрофу. Смертельный риск «закалькулирован» устроителями этого зрелища. На этот раз на глазах у 20-тысячной толпы столкнулись два одномоторных SNJ-4, ветераны военно-морской авиации. Их пилоты увеличили число жертв невадского «чемпионата».

...Вечером состоялось совещание устроителей гонок. Повестка дня: возможность включения в программу следующего сезона давно списанных английских самолетов «шеклтон». Зрители ждут.

КРАСНЫЙ КРЕСТИК°

...Пешехода сбил автомобиль. Через несколько минут к месту происшествия подлетают сразу две кареты «Скорой помощи». Санитары бросаются к пострадавшему, и... между ними вспыхивает перебранка. «Он поедет с нами!» — «Нет, мы первые!» И жертва кочует с носилок на носилки.

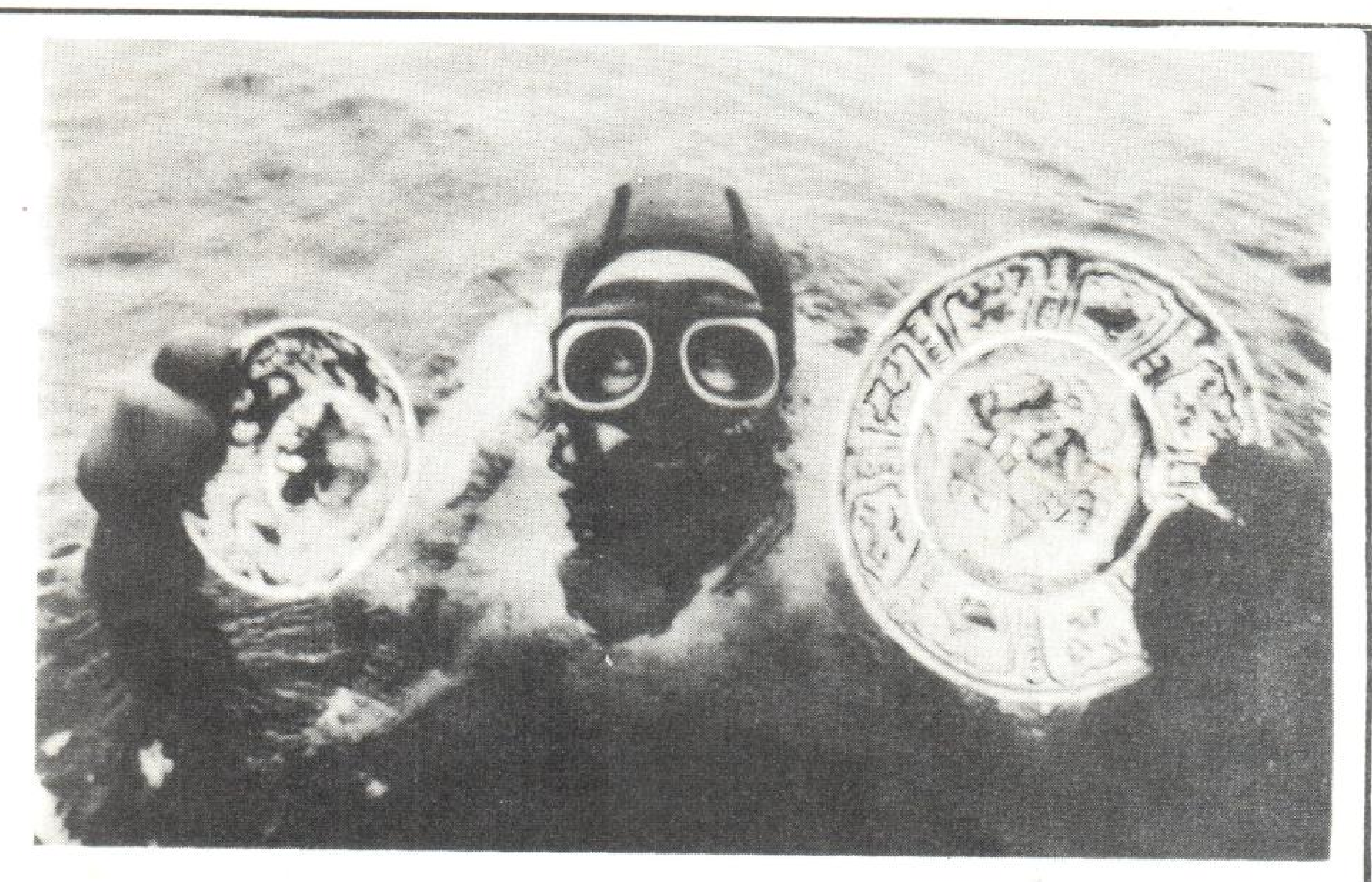
Подобные сценки, по свидетельству западногерманского журнала «Штерн», не редкость в ФРГ. Но не спешите умиляться усердию санитаров. Просто они представители разных конкурирующих фирм — какой-нибудь небольшой частной и, как правило, побеждающего в таких стычках общества Немецкого Красного Креста (НКК). Пострадавшему (если он выживет) или его родственникам (если, увы...) придет счет за перевозку в карете плюс услуги санитаров. Причем НКК возьмет больше частника.

Об этой организации рассказывают удивительные вещи. Мало кто из 300 тысяч ее добровольных активистов и доноров сознает, что попросту работает бесплатно на мощную финансовую империю, действующую как заправская частнокапиталистическая фирма. НКК не пренебрегает никакими деловыми операциями — был бы доход. Только продажа донорской крови в ФРГ и за границей приносит ему ежегодно четверть миллиарда марок (больше, чем доход известной автомобильной фирмы БМВ). Всего же, по очень приблизительным подсчетам, доходы НКК достигают полутора миллиардов в год. Именно по приблизительным. Так как до сих пор эта освобожденная от налогов (как «бесприбыльная»!) организация ни разу не обнародовала своего бюджета.

ДВЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЗА ОДНИМ СОКРОВИЩЕМ

30 января 1610 года «Белый лев» покинул амстердамский порт в сопровождении 8 боевых кораблей. В толстенном гроссбухе чиновник Ост-Индской компании отметил начало очередной экспедиции за сокровищами южных морей. Через два года «Белый лев» с полными трюмами отправился в обратный путь. На траверзе острова Святой Елены корабль пошел ко дну.

Экспедиция за сокровищами «Белого льва» началась в 1972 году, когда Робер Стенюи, известный специалист по розыску затонувших кораблей, нашел в архивах амстердамской торговой палаты тот самый гроссбух. Пять лет шла подготовка, и вот наступил день, когда Стенюи и его товарищи в специальных скафандрах спустились в трюмы корабля, затонувшего три с лишним века назад. Им открылись действительно бесценные сокровища: бело-голубые вазы, чаши, блюда из китайского фарфора эпохи императоров династии Мин. Специалисты считают, что коллекция сыграет важную роль в изучении китайского искусства XVI века.

СЛЕДУЮЩИЙ РАУНД МОХАММЕДА АЛИ

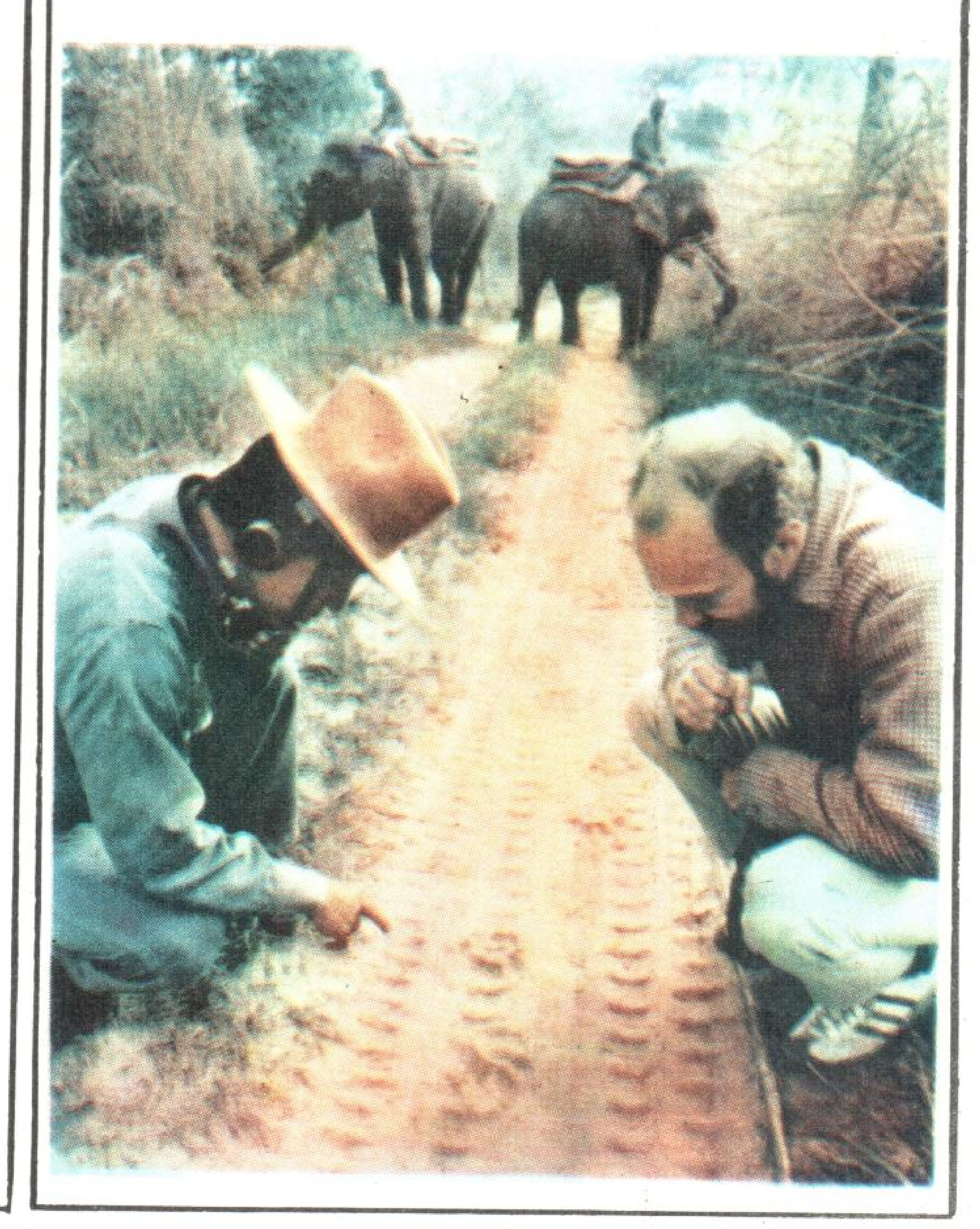
«Всю жизнь я был актером. На ринге моя роль была ограничена: я мог дразнить противника, выманивая его. Но в конце концов я всегда должен был побеждать. В кино, перед камерой, я могу делать все, что хочу. Я нашел свое истинное призвание» — так говорит Мохаммед Али, которого спортивные журналисты мира называют лучшим боксером всех времен и народов. Зев Браун, режиссер фильма «Дороги свободы», где Али играет главную роль, убежден, что он нашел актера, который сделает эпоху в мировом кино: «Лучший на ринге, он будет и лучшим на экране». Герой фильма — раб с хлопковых плантаций Гедеон Джексон — попадает в армию северян. На войне он проявляет чудеса героизма и в конце концов становится сенатором штата Миссисипи. Еще один вариант сказки про Золушку? Возможно, если бы «Золушку» играл не Мохаммед Али. Его герой борется за равноправие, за человеческое достоинство, за лучшую жизнь для всех униженных. Не только молниеносные кулаки, но и весь облик и характер героя утверждают его победу над теми, кто хотел бы приручить «ниггера», посадив его в сенаторское кресло.

ГДЕ УСАТЫЙ-ПОЛОСАТЫЙ!

«Есть след!» — сейчас начнется охота на тигра. Они еще водятся в чащобах Непала. Охотники натянут белые полотнища (тигры боятся белого цвета), оставив коридор, ведущий к большой яме, и закричат что есть мочи: «Эй, эй! Багх, багх!»

...Добыча на этот раз знатная — 300-килограммовая тигрица. Выждав, когда жертва окончательно замрет, охотники подходят и... клеймят на ее ухе число 15, укрепляют ошейник. Все просто — это ученые. Тигрица очнется и в течение пяти лет, пока не иссякнут батарейки в ошейнике, будет бродячим радиопередатчиком, выдавая ученым секреты своей личной жизни.

Всемирная операция по спасению тигров началась в 1973 году (за последние 60 лет в результате прямого истребления ради шикарных манто и украшения прикаминной «окружающей среды», а также вырубки лесов поголовье тигров в мире сократилось со 100 до 4 тысяч). Кстати, финансовую основу «операции тигр» составляют деньги, собранные школьниками многих стран Европы.

ЛЮДИ, КОНИ И МЕДВЕДИ, или ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Эдвард ХОУГЛЕНД,
американский писатель

В десять лет я, конечно, сбежал в цирк. Во-первых, потому, что — впрочем, смысла нет объяснять почему — кто не сбегал в цирк в десять лет? Вторая (или первая?) причина была менее невинна: я влюбился в дрессировщицу попугаев. Сейчас я понимаю, что прельстила меня вовсе не эта дама в черном бархате и перьях, а ее попугай Мики. Мики никак не хотел сказать: «Здравствуй, дружок», вместо этого он бубнил: «Здравствуй, глупышка». Глупышке было лет сорок, она была грузна и жгуче вульгарна и танцевала с Мики танго.

Конечно, меня поймали и водворили в лоно семьи.

Я, как и все, рос и годам эдак к четырнадцати цирк не просто разлюбил, а даже возненавидел. Похоже, во мне говорила отроческая обидчивость: я столь старательно оберегал свое нарождающееся достоинство, что поражался и негодовал по поводу того, как это клоун позволял над собой смеяться. Не любил и не понимал я в то время, кстати, и фильмы Чаплина по той же самой причине.

Я рос, цирка избегая, и попал туда только уже со своей маленькой дочерью. И влюбился вновь. Я опишу вам всего одно представление и надеюсь, что вы поймете мою любовь.

Тот, кто, как я, ходит в цирк каждый год (а теперь дело обстоит именно так), вполне *сознает*, что увидит те же самые избитые трюки. Цирк состоит из номеров, которые мы знаем наизусть и которые следуют друг за другом, как эпизоды в эпической поэме. Такое вполне могло бы происходить во времена Гомера: в город приходит бродячая труппа, и каждый из актеров читает хорошо знакомый нам отрывок, но тем не менее тут есть все: и героизм, и полная отдача, и блестящее мастерство.

Жонглеры притопывают каблуками под барабанную дробь. Проделкам нет конца. Клоун, наигрывая на флейте (а это, конечно, его тросточка), стоит на белом крупе пузатой, как гороховый стручок, лошади, которая мечется по арене. Номера с петухами и тюленями; шимпанзе, которая стоит на задних лапах; пони, которые кивают головой; распластавшиеся в послушном прыжке львы; слоны, которые вот-вот наступят, но так никогда и не наступают на свой хобот. Клоун бьет об пол плохо надутым мячом и раздает цветы, срывая головки и оставляя в руках озадаченных зрителей одни стебли. Он старательно пытается аккомпанировать оркестру на соломинке для коктейлей. А вот еще один — с конусообразной головой и улыбающимся красным ртом в форме буквы «V», с широченным галстуком и маленькой собачкой (достаточно маленькой, чтобы с ней удобно было бродить по дорогам, и достаточно большой, чтобы она умела думать). Визжат корнеты, хрипят тромбоны. И, конечно, исступленный восторг детей.

Но музыка бывает и грустной. Тогда клоуны сдергивают и вновь нацепляют свои восковые носы. Хоть образы неудачников, которые они создают, и несколько утрированы, они производят достаточно сильное впечатление. Танцовщицы «падают» с проволоки, успевая зацепиться за нее зубами или ступнями. Канатоходец в самый опасный момент наклоняется, чтобы поправить манжету брюк, или — это уж какое-то мистическое мужество! — катит на велосипеде над клеткой со львами. Гимнасты на качающейся доске делают пирамиду сначала из четырех, потом из *пяти* человек! А вот и старый добрый номер с шестами: взобравшись на шест, акробаты соскальзывают по нему вниз головой.

Из Восточной Европы приехали прыгуны, из Латинской Америки — воздушные гимнасты, укротители прибыли из ФРГ. Хотя порой и кажется, что такого понятия, как мастерство, в наши дни не существует, присутствуя на цирковом представлении, убеж-

даешься, что здесь цель каждого — продемонстрировать именно свое мастерство. Внешняя фривольность циркачей — накрашенные мужчины, весьма декольтированные женщины — отступает на задний план, выдвигая на передний тяжелый труд и увлеченность своим делом.

Я заметил — в цирках из социалистической Европы царит та дружелюбная, семейная, что ли, атмосфера, которой не хватает циркам американского образца, и их звезды, вроде щеголеватого русского клоуна Попова, стремятся утвердить образ здорового, жизнерадостного и доброжелательного человека. Попов изображает умного, элегантного, полного достоинства чудака, и трюки его — тихие, мудрые трюки, которые вроде бы и не трюки даже, а так, просто жизнь. Жизнь, которую человек встречает с доверчивой, смущенной улыбкой и с гордостью — смотрите, вот это я умею делать, а если и не умею, то не беда, обязательно научусь. Он ловит солнечный зайчик, но погоня эта — совсем не бессмысленное занятие, зайчик ему необходим, как необходимы человеку кусок теплого, свежего хлеба и бутылка молока. И мы замираем, потрясенные такой открытой, ничем не защищенной добротой, потому что в нашей отечественной клоунаде акцент делается на таких вещах, как идиотизм, несчастность, обездоленность.

В основе американского трюкачества лежит создание иллюзии, что человек может вот сейчас, на ваших глазах, упасть и умереть, как это делал знаменитый Карл Валленда[1]. Русские для подобных номеров используют предохранительную сетку или различные «механические приспособления» (лонжи, например). Но мы не замечаем этих ухищрений, потому что упор они делают на ловкость и изящество, а не на риск. Мы, по эту сторону океана, повидали много цирков и можем с уверенностью сказать, что существует пропасть между восточноевропейскими звездами, которые отличаются дружелюбием и горением, и нашими, готовыми пойти на все, лишь бы удовлетворить потребность нашей цирковой аудитории в страдании и эксцентричности...

И вот — звери. Дрессировщик выезжает на белой колеснице на середину арены, где стоит большая клетка, он болтает со слонами о всяких пустяках, и тигры скачут верхом на лошадях, слоны — верхом на тиграх, а тигры раскачиваются на качелях. Полная неразбериха, суета и чудеса. Но что это? Выбегает белая собачка в дурацкой розовой шляпке, и тяжеловесные слоны, изящные кони, лениво-грозные тигры замирают, боясь ее испугать. А собачка, эдакая пустая, пушистая первая красавица, капризно кокетничает с дрессировщиком. И все у ног ее, и всеми правит она, вздорная и насмешливая...

Человек носится на мотоцикле под самым куполом цирка; изящная мисс с забинтованной правой рукой вращается на трапеции. Почему рука забинтована? После представления я на правах друга цирка и рецензента прошел за кулисы — оказывается, лошадь откусила гимнастке мизинец на правой руке, так что во время выступления ей приходилось превозмогать и боль и страх...

Яркое и шумное зрелище, клоуны все время теребят зрителей, манеж ни на минуту не остается пустым. Тромбоны и трубы играют вразнобой. Своим потешным кувырканием, незатейливыми выходками, задором, жалкостью и совершенством своих тел эти люди хотят развлечь нас, поразить и даже чему-то научить. В наше-то время, на закате двадцатого века, эти люди показывают нам всего лишь свое тело и всего лишь — мужество! Человеческое тело, конечно, вещь незащищенная, но ведь и мы, с нашими цветочными горшками, с нашими кошками на подоконниках, как известно, существа беззащитные.

Перевела с английского М. КРИГЕР

[1] *Американский канатоходец Карл Валленда погиб весной прошлого года. Он должен был пройти по проволоке, натянутой между двумя небоскребами на высоте 92 метра. Шел он без страховки.— Примеч. ред.*

«Специальность № 2109: цирковое искусство» — так будет написано в дипломе. До недавнего времени такой диплом выдавало единственное в мире Государственное училище циркового и эстрадного искусства в Москве. Сейчас такие училища созданы с помощью москвичей в ГДР, Польше, Венгрии, Монголии, на Кубе. И все же наивысшее мастерство, опытнейшие преподаватели — в Москве, и сюда приезжают, как в Академию цирковой науки. В этом году здесь учатся 48 студентов из Болгарии, Чехословакии, Кубы... Наш фотокорреспондент Г. Малахов снимал студентов в самый ответственный момент — во время подготовки к зимней сессии. Пройдет четыре года, и они уедут на родину — нести радость детям и взрослым, увозя с собой воспоминания о самом знаменитом в мире цирковом училище и дипломы «по специальности № 2109».

Индекс 70781
Цена 25 коп.

